



18+

ПЕНЕЛОПА
ДУГЛАС

МАЛЬЧИКИ ИЗ ФОЛЛЗ

Дети взрослеют. Они очень отличаются от своих родителей,
но в то же время во многом на них похожи...

Пенелопа Дуглас

Мальчики из Фоллз

Серия «#NewRomance»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69267511
Мальчики из Фоллз. Роман: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-154531-4*

Аннотация

АРО

Хоукен Трент. Вежливый. Милый. Такой порядочный молодой человек. Еще и девственник, насколько я слышала. Хоук никогда не развлекается с девушками. Наверное, потому, что Иисус ему запретил. И вот он строит из себя героя, защищая другую девчонку от меня. Он называет меня агрессором. Неадекватной. Безрассудной. Преступницей. Пусть зовет как угодно, я слышала слова и похуже. Хоук может попытаться встать между мной и моими деньгами, только ему никогда не приходилось драться за еду. Для этого у богатенького опрятного школьника кишка тонка.

ХОУК

Я удивил ее. Видели бы вы ее лицо. Отсутствие судимостей, милая, не означает, что мои руки чисты. Просто я умею не попадаться. Но на сей раз, похоже, я зашел слишком далеко. Мы застигнуты на месте преступления. Вокруг темнота. Приезжает полиция. У нас нет выбора. Мы бежим по Хай-

стрит в пекарню Куинн, где я провожу Аро в подпольный бар, о существовании которого все забыли десятки лет назад. Двери заперты, копы оцепили здание, даже не подозревая, что мы у них под носом. На неопределенный срок я вынужден спрятаться у всех на виду в компании дрянной девчонки. Жесткой. Грубой. Грязной. Воровки и преступницы. Однако, затерявшись с ней среди множества пустующих комнат, я начинаю узнавать Аро с совершенно другой стороны. Она умная. Отважная. Ласковая. Сексуальная...

Все меняется. Дело в этом месте. Оно оказывает какое-то воздействие на людей. В Шелбурн-Фоллз существует глупая городская легенда о зеркалах: к ним нельзя прислоняться спиной, ведь они являются вратами. А мы сознательно шагнули в Зазеркалье. Плевать на данные окружного архива. Подпольного бара здесь никогда не было. Это Карнавальная башня.

Содержание

Плейлист	6
От автора	7
Глава 1	9
Глава 2	42
Глава 3	75
Глава 4	89
Глава 5	98
Глава 6	113
Глава 7	120
Глава 8	133
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Пенелопа Дуглас

Мальчики из Фоллз

Роман

Посвящается

Моему отцу, который мечтает о том, чтобы я написала «добротный детектив».

Вот он, пап.

Хотя здесь все равно без секса не обойдется.

Penelope Douglas
Falls Boys

* * *

Печатается с разрешения литературных агентств Dystel, Goderich & Bourret и Andrew Nurnberg

Copyright © 2022 Penelope Douglas

© Елена Руденко, перевод на русский язык

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2023

Плейлист

System of a Down – «B.Y.O.B.»

Verona – «Dark In My Imagination»

Darkswoon – «Dark Matter»

Snow Tha Product, The Newton Brothers – «Esto No A

Terminado (This Isn't Over)»

SAYGRACE – «Feel Good»

Madalen Duke – «How Villains Are Made»

Hidden Citizens – «I Ran (So Far Away)»

Trent Reznor, Atticus Ross, Karen O – «Immigrant Song»

Emanuel Vo Williams, Robin Loxley, Samantha Powell –

«Kill Me First»

Natalie Kills – «Problem»

Loren Gray – «Queen»

Imagine Dragons – «Radioactive»

Saint Mesa – «Throne»

J Balvin, Metallica – «Wherever I May Roam»

HIM – «Wicked Game»

Måneskin – «ZITTI E BUONI»

От автора

Цикл «Безрассудные» является продолжением «Потерянной дружбы». Это истории детей главных героев.

Прочитать первую серию романов будет полезно, но не обязательно. Родители появляются часто, как и отсылки к прошлым сюжетным линиям, поэтому, если вы хотите сначала ознакомиться с предысторией, то порядок чтения такой: «Агрессор», «До тебя», «Соперник», «Падение», «Пламя».

Мы впервые встречаем основных персонажей «Безрассудных» в эпилоге новеллы «Объятые пламенем», также они активные участники «Практически никогда». Помимо этого, я написала несколько бонусных сцен, положивших начало их приключениям.

Повторюсь, читать все – не обязательно, но если вам хочется познакомиться со вселенной Шелбурн-Фоллз, стоит начать с «Агрессора».

Приятного чтения!

СЕМЕЙНОЕ ДРЕВО



СЕРИЯ «БЕЗРАССУДНЫЕ»

Глава 1

Аро

Я не знаю, как умру, но, боже, надеюсь, вид вокруг будет красивый.

Перекрышенные стропила у меня над головой устремлены ввысь. Их освещает лишь тусклый свет луны, проникающий через окна.

Правда, когда я поднимаю глаза, всматриваясь в темноту, встречаю лишь бездну пустоты. Не могу разглядеть, что там наверху, и мне так даже больше нравится.

Тайна. Постижение.

Надежда.

Я слишком часто смотрю в небо. Сейчас чаще, чем когда-либо.

— Его послал я! — орет Хьюго в телефон. — Ты имеешь что-то против?

Вздрагнув, опускаю глаза.

— Флако арестовали, — поясняет он клиенту, восседая за столом. Я перевожу взгляд на него. — Теперь с тобой работает новый парень.

Николас и Аксель сидят в стороне, готовят дорожки порошка на маленьком круглом столике. Между ними девушка. Она держит руки на коленях, сжимая ладонями банку пи-

ва.

Не девушка.

Ребенок.

Она пытается казаться старше благодаря синим прядям в белых волосах, но ей явно не больше тринадцати.

Из динамиков звучит кавер песни «Металлики» на испанском языке, однако я все равно слышу Хьюго. Тот продолжает ворчать в трубку:

– Ты знаешь, какая среди курьеров текучка? Думаешь, у меня есть чертова секретарша, которая будет звонить и предупреждать тебя каждый раз, когда они меняются? Тебе нужен товар или нет?

Ситуация меня почти забавляет, но только потому, что мне нравится видеть его взвинченным. На самом деле это заноза в заднице, как для службы доставки, так и для клиента. Ты отправляешь эсэмэску, и последнее, чего хочешь, – чтобы к тебе домой явился незнакомый человек с заказанными тобой наркотиками. Хотя Хьюго прав. Курьеры приходят и уходят. Их арестовывают, депортируют, они умирают от передозировки...

За мной в ожидании своей очереди выстроилось трое парней. Мы в переоборудованной пожарной части, похожей на огромный гараж. Большая подъемная дверь позади меня до сих пор в рабочем состоянии, время от времени пропускает внутрь машины. Несмотря на то что творится в этом здании, оно мне нравится. Такое старое, пропахшее шинами пожар-

ных машин, которые здесь когда-то хранились.

Снова подняв глаза вверх, на мгновение я будто взмываю высоко-высоко и смотрю на происходящее сверху. Издалека. В полной безопасности и тишине.

– Tranquila, – бормочу себе под нос.

Покой.

Вдруг кто-то произносит:

– Давай, мелкая.

Я оглядываюсь и вижу, как Аксель направляет девчонку к столу с коксом, протянув ей обрезанную соломинку.

Каждый мускул в моем теле напрягается, ноги тут же самопроизвольно приходят в движение. Преодолев расстояние в два шага, выхватываю соломинку из руки этой тупицы и толчком в грудь усаживаю ее обратно на диван.

Аксель с Николасом отшатываются, изумленно глядя на меня, но я огрызаюсь, не дав им шанса проронить хоть слово:

– Зачем вы тратите на нее товар?

Взяв новую трубочку, Аксель закатывает глаза.

– У белых детей тоже бывают проблемы, Аро.

Он затыкает одну ноздрю, вставляет соломинку в другую и наклоняется. Я отворачиваюсь, однако слышу его резкий вдох у себя за спиной.

Хьюго швыряет телефон на стол, выключает музыку, пока я иду обратно, сунув руки в карманы своего черного бомбе-ра.

– Как дела? – спрашивает он, берет и откусывает свой

недоеденный гамбургер, потом запивает пивом, поднимается, начинает рыться в картотечном шкафу.

Не получив от меня ответа, парень оборачивается, чтобы посмотреть мне в глаза. В его руке звякают ключи от машины, на которой мне предстоит работать ночью.

Я пристально смотрю на него.

Хьюго тихо смеется, качая бритой головой, а мой взгляд фокусируется на его брови со шрамом. Этот шрам он получил в драке, когда ему было восемнадцать. Парень сам себя залатал той ночью, выпив полбутылки текилы, и я видела в нем пример для подражания.

Больше не вижу.

– Так груба со мной, – поддразнивает он. – Раньше ты меня любила.

Мне было пятнадцать. Удивительно, насколько быстро человек может поумнеть.

Сев в кресло, Хьюго записывает мой сегодняшний маршрут на листке бумаги.

– Как дети поживают?

Сохраняя молчание, краем глаза наблюдаю за столиком слева, чтобы мне потом не поручили отвезти девчонку из Фоллз в больницу. Уж лучше бы она осталась на своем берегу реки.

– Приемная мать не достает тебя? – продолжает он, складывая лист.

Я протягиваю руку за своим заданием, но в разговор по-

прежнему не вступаю.

Хьюго умолкает на секунду, смотрит на меня так, словно чего-то ждет. Чтобы я улыбнулась, например, или завороченно внимала каждому его слову, как раньше, когда была помладше и вместе с ним попала в приемную семью.

Мой взгляд возвращается к двум братьям, с которыми мы познакомились в тот же день. Нас всех разместили у одного опекуна. Оба парня долговязые и высокие. Черные волосы Аксея уложены в помпадур, а выбритые виски подчеркивают татуировки на шее. У Николаса волосы подстрижены коротко, но торчат в разные стороны. Он все еще выглядит как тот самый мальчик, с которым я во многих смыслах выросла.

С тех пор наши пути почти постоянно пересекаются, к тому же мы стали работать вместе. Только в отличие от меня парни не поддерживали связь с родней, не помогали содержать своих братьев и сестер. У меня есть семья, просто матери я не нужна.

Рука Аксея опускается на колено девушки, и я прищуриваюсь.

– Адреса забиты в телефон. – Хьюго вкладывает лист и одноразовый мобильник мне в ладонь, затем передает ключи от машины. – Возьми «Чероки». Как обычно, получишь двадцать процентов от того, с чем вернешься, и не...

Он хватает меня за запястье, сильно сжимает, отчего я невольно ловлю ртом воздух.

– Не возвращайся с пустыми руками. Опять, – предупре-

ждает Хьюго. — Я запросто заставлю ее заниматься этим бесплатно. — Он указывает на малявку, сидящую с Николасом и Акселем. — Тебя я держу лишь потому, что мы семья, но мне становится все труднее приводить Ривзу доводы, почему ты не сгодишься для другого рода деятельности.

Стиснув зубы, выдергиваю руку. Я прекрасно понимаю, о чем он. Мне уже восемнадцать. Если я хочу продолжать зарабатывать деньги, они могут решить, что вместо сбора арендной платы и поиска краденного товара у меня остается лишь один способ приносить пользу.

— Не хотел бы такой участи для тебя, Аро, — говорит Хьюго; его взгляд смягчается, — однако... — Он колеблется, пока я сую все, кроме ключей, в карман. — Возможно, так будет лучше, понимаешь? Больше денег, гораздо меньший риск...

Бросаю на него взгляд.

— Тебя поймают, — заявляет он, словно в этом нет никаких сомнений. — Это лишь вопрос времени. И что тогда будет с Мэтти и Бьянкой?

Развернувшись, собираюсь уйти, вот только Хьюго хватает меня за руку, срывает капюшон и притягивает к себе, удерживая за заднюю поверхность шеи.

Я напрягаюсь, но не сопротивляюсь. Я не боюсь его. Не *его*.

— Он придет вечером.

Непоколебимо смотрю парню в глаза, игнорируя напряжение, нарастающее внутри.

– Ему нужен ассортимент юных красоток. – Хьюго не разрывает зрительного контакта. – Будет хреново. Неприятно. Но это убережет тебя от тюрьмы, а когда все закончится, ты уйдешь с пачкой денег.

Уж лучше броситься под машину на скоростном шоссе. Я могу получить пачку денег, не снимая одежды.

Хьюго говорит тише, однако я знаю, что трио слева наблюдает за нами:

– Тебе даже не придется улыбаться ему. A él le gusta cuando a las chicas no les gusta.

Он любит, когда девчонкам не нравится.

– Отпусти.

Не дожидаясь его реакции, вырываюсь, натягиваю на голову капюшон толстовки, которую надела под куртку, и разворачиваюсь кругом.

– Хочешь – верь, хочешь – нет, но ты мне небезразлична, – произносит Хьюго у меня за спиной.

Ага, небезразлична настолько, что он готов переквалифицировать меня в шлюхи. *Пошел ты.*

Я на ходу стаскиваю с дивана малолетку в фиолетово-белой толстовке с узором тай-дай, схватив ее за шиворот. Напитки опрокидываются, стол едва не падает – его спасает Николас.

– Эй! – вскрикивает девчонка, спотыкаясь.

– Аро, какого черта? – рывкает Аксель.

Не обращая внимания на парней, вместе с дурехой на-

правляюсь к выходу и бросаю взгляд на Хьюго.

– Я помощницу возьму.

Если сегодня приедет Ривз, значит, она уходит. Подтолкнув ее вперед, иду следом. Сама не знаю, почему мне не все равно. Наверное, я бы хотела, чтобы много лет назад кто-нибудь сделал то же самое для меня.

Уже переступая порог, слышу окрик Хьюго:

– И держись подальше от этих мелких Пиратских говнюков!

Стальная дверь захлопывается. Девчонка поворачивается, но я ловлю ее за руку и снова тяну вперед, не дав шанса убежать.

– Отпусти меня! – орет она. Белые волосы спадают ей на лицо, а голубые пряди такие яркие, будто были покрашены совсем недавно. Технически, она одна из этих *мелких Пиратских говнюков*: жительница Шелбурн-Фоллз – чистого, живописного, истинно американского городка для лоботомированных телеканалом CW в одиннадцати километрах отсюда. Они любят кичиться перед нами своими деньгами, машинами и Джаредом Трентом, поскольку он – их единственный предмет гордости, я считаю.

Однако по какой-то причине им эта девочка оказалась не нужна, поэтому она приехала сюда, в Уэстон, чтобы найти тех, кому пригодится.

– Садись в чертову машину. – Подтолкнув ее к джипу, огибаю старый темно-синий автомобиль. На заднем окне ви-

сят на волоске остатки наклейки с надписью «*Мой ребенок – отличник в средней школе имени Чарльза А. Артура*». Кто знает, сколько эта тачка сменила владельцев с тех пор, и я понятия не имею, где находится средняя школа имени Чарльза А. Артура.

Я забираюсь в салон и захлопываю дверь.

– Томми, верно? – Она несколько недель тусуется в гараже, только мы еще ни разу не разговаривали.

Девчонка бросает на меня взгляд, но не отвечает.

– Итак, Томми, в чем дело? – спрашиваю, включив зажигание. – Тебе приходится содержать семью? Родители-наркоманы? Ты голодаешь?

– Нет.

Переключаю рычаг коробки автомат в режим «Вождение» и смотрю на девчонку.

– Тебя обижают дома?

Она хмуро зыркает в мою сторону, насупив брови.

Ага, так я и думала.

– Тогда тебе не следует соваться сюда. Легко таскаться по трущобам с уверенностью, что ты не обязана здесь находиться, не правда ли? Ты можешь уйти в любой момент. Тебе никогда не стать одной из нас.

Томми хватается за ручку, собираясь ударить в дверцу плечом и выскочить, но я вовремя успеваю заблокировать замки.

Девчонка сверлит меня сердитым взглядом.

– Ты хочешь, чтобы я ушла, и в то же время не даешь мне уйти!

– Просто заткнись.

Рванув с места, выезжаю с пустынной парковки. Заросли сорняков пробиваются сквозь сетчатый забор, ограждающий участок от расположенного за ним поля. Влажность усиливает августовскую жару. Я включаю кондиционер, отчаянно желая снять куртку с толстовкой, однако занятия криминалом в ночи сродни езде на мотоцикле: чем больше тела прикрыто, тем лучше.

– Пятьдесят процентов от твоих двадцати достанутся мне, – заявляет малолетка.

Сворачиваю налево, следя за дорогой.

– Или тебе могут достаться сто процентов разбитой губы. Как насчет этого?

Мелкая паршивка вздумала, будто я действительно хочу, чтобы она ходила за мной по пятам, даже не подозревая, что я только что спасла ее задницу. К тому же, черт побери, я не намерена делиться своей выручкой.

Остановившись перед магазином спиртного «Лафферти», паркуюсь на обочине напротив и оставляю двигатель включенным. Старик Тед, которому принадлежит это заведение, покинув свое место за прилавком, мелькает в окнах.

– Оставайся здесь, – инструктирую Томми. – Не глуши мотор. Если появится полицейский или кто-то из взрослых, скажи, что ждешь сестру. Играй в телефоне, когда будешь

говорить, чтобы они не увидели, как сильно ты нервничаешь.

Она хмурится.

Я продолжаю:

– Не заикайся при разговоре. А если сбежишь на моей машине, я позвоню в полицию и наведу, что твой отец избивает меня у вас дома. Думаю, они знают адрес, Дитрих.

Девчонка меняется в лице, когда понимает – мне прекрасно известно, кто она такая. Я знаю всех Пиратов. Томми поджимает губы, однако держит свой чертов рот на замке. Полагаю, она умнее, чем кажется.

Выбравшись из внедорожника, подавляю желание поправить дубинку, впивающуюся мне в спину – я ношу ее за поясом, пряча под курткой.

Пересекаю улицу, проигнорировав сигнал «Сенстры», которая проносится мимо, и открываю дверь магазина. В задней части торгового зала виднеется макушка покупателя, копающегося в холодильнике с пивом. Я опускаю подбородок, избегая двух камер, установленных в дальнем правом углу и за прилавком.

Встретившись взглядом с хозяином, вижу, как тот выдыхает, осознав, какой сегодня день. Словно забыл.

Подхожу к стойке, но останавливаюсь немного поодаль, пропуская клиента вперед. Я удерживаю зрительный контакт с хозяином до тех пор, пока он, наконец, не отворачивается.

Тед пробивает пиво на кассе, парень расплачивается и уходит. Едва дверь закрывается, я хватаю пластиковый стенд

с сигарами. Резко вздохнув, хозяин обеспокоенно смотрит на свой товар.

Только я не сбрасываю все на пол, а беру упаковку жвачки из коробки, стоящей рядом, кладу ее на стойку и протягиваю Теду. Ему требуется всего две секунды, чтобы понять то, на что в прошлый раз ушло восемнадцать разбитых бутылок виски Dewar's.

Открыв кассу, он отсчитывает ренту и отдает ее мне вместе со жвачкой. Я подхватываю деньги с прилавка, после чего направляюсь к двери. Замечаю стойку со сладостями от «Хостесс», беру упаковку пончиков с сахарной пудрой и выхожу на улицу.

Переходя через дорогу, напрягаюсь. Так происходит каждый раз, когда я работаю. Это напоминание о том, что любое действие – предпосылка к противодействию, и сегодняшний день может стать последним. Тед может погнаться за мной. Полицейский может вести слежку, выжидая, чтобы поймать меня на месте преступления.

Вероятно, я почувствую удар в спину, и это будет последнее ощущение в моей жизни.

Я не оборачиваюсь. Держа голову высоко, с каждым шагом приближаюсь к безопасности. Затаив дыхание, открываю дверцу, проскальзываю на водительское место. Как обычно, сразу же запираю все двери.

Пот струится вдоль позвоночника.

– Все прошло нормально? – спрашивает мелкая.

Я бросаю пончики ей на колени, пристегиваю ремень безопасности, отъезжаю от тротуара, не сводя глаз с зеркала заднего вида, потому что до сих пор жду.

Машина преодолевает сантиметры, которые превращаются в метры, затем километры – только тогда я немного расслабляюсь. Знаю, рано или поздно наступит конец всему. Хьюго прав. Просто ожидание мучительно.

Томми съедает пончики, стоит на шухере еще на трех точках. Я выпрыгиваю из джипа, собираю плату и как можно быстрее уезжаю, решив сначала разделаться с легкими клиентами, на случай, если возникнут проблемы, из-за которых остаток ночи уйдет на более сложные объекты.

Выехав на шоссе, сворачиваю на следующий съезд и через пару поворотов останавливаюсь на парковке «Порока». Формально стриптиз-клуб находится в Шелбурн-Фоллз, но жители любят делать вид, что он за чертой их милого городка.

Это одна из самых трудных задач. Не заглушая двигатель, ставлю машину в режим «Паркинг» и смотрю на Томми.

– План тот же.

Я снимаю капюшон, оставшись в лыжной шапке, и открываю дверь.

– Но я хочу войти, – возражает она.

– Останься.

Захлопнув дверцу, оглядываюсь по сторонам, пока лавирую между машинами, заполонившими стоянку.

Стены здания вибрируют в такт музыке. На мгновение я

замираю.

Запах уже бьет в ноздри – смесь дешевого лосьона для тела, сильно изношенных туфель на пятнадцатисантиметровых каблуках, приправленная потом, пролитым пивом и колой.

Иногда, в зависимости от времени года, здесь ощущается запах мочи или рвоты. Мальчишники, парни из студенческих братств, вернувшиеся домой на летние каникулы, делают июнь самым ненавистным месяцем для посещения этого места.

Но сейчас уже август. Поток приезжающих и уезжающих наконец-то спал, вот только летняя жара превратила отчаяние и безысходность в отвратительную вонь, к которой, по моему, невозможно привыкнуть.

Я достаю дубинку, сую ее в рукав, придерживая манжету, чтобы не выпала. Подхожу к входу, открываю дверь и киваю вышибале Анхелю Акосте.

– Привет, детка, – говорит он.

От оглушительных басов пол дрожит под ногами. Двигаясь дальше, минуя бар, смотрю на сцену.

Кожа девушек сияет в лучах света, волосы взмывают вверх, но это едва ли назовешь реальным танцем. Они лишь извиваются у шеста и ползают по сцене.

Хотя отдаю им должное. Не могу представить более тяжелой работы. Пусть тут не задействована математика или высокие риски, сопутствующие работе полицейского, солдата

или врача, однако я бы предпочла заниматься чем угодно, но не притворяться, как приходится этим девчонкам.

– Аро! – зовет меня кто-то.

Полуголая Сильвер машет рукой с одной из платформ. Я заставляю себя помахать в ответ, на самом деле желая что-нибудь разбить. Мы вместе учились в средней школе.

Преодолевая коридор, где монотонный гул музыки понемногу стихает, слышу крик Скарсмана:

– Ты знаешь, как легко тебя заменить? Новые девочки подрастают каждый год, и у них нет детей, которые постоянно болеют!

Я вздыхаю, замедляя шаг. Дверь в его кабинет приоткрыта.

Уверена, в прошлом моя мать выслушивала бы такие же лекции, если бы я не сидела с младшими детьми. Она никогда не пропускала работу. Ведь у нее была бесплатная личная нянька и все такое.

Я прислоняюсь к дверной раме. Скарсман замечает меня. Он хорошо одет и ухожен: чисто выбритый, волосы с проседью коротко подстрижены, а черный костюм с темно-фиолетовой рубашкой отлично маскирует его чертовски мерзкую натуру.

Выдохнув дым, Скарсман тушит сигарету о поднос. Какая-то девушка в черном бикини из пайеток сидит перед ним с поникшими плечами.

– Отлично, – огрызается он, глядя на меня. – Твою мать,

иди, сядь там. Я не хочу сейчас с тобой разбираться.

Я сжимаю дубинку, пряча ее за спиной.

Когда не двигаюсь с места, Скарсман дергает подбородком, дав знак танцовщице, чтобы убиралась отсюда. Девушка поднимается со стула; ее выющиеся рыжие волосы, собранные заколкой, обрамляют лицо. Она очень красивая, поэтому он ее не увольняет.

– Оскорбительно, что они посылают ко мне ребенка для сбора платы. – Он усмехается, огибая свой стол.

Девушка проскальзывает мимо, а я остаюсь у порога, не спуская с мужчины глаз.

Скарсман подходит ко мне, берется за дверную ручку, взмахивает рукой.

– Входи.

Я разжимаю пальцы – дубинка выскальзывает из рукава, – напрягаю все мышцы и замахиваюсь. Сердце буквально выскакивает из груди, когда удар приходится Скарсману в плечо, отчего он падает на колени.

– Ах! – рычит хозяин клуба.

Твою мать.

Держа дубинку в одной руке, другой хватаю его за волосы и для пущего эффекта со всей силы бью коленом в лицо. Ногу пронзает резкая боль.

Ненавижу эту часть.

Крепче сжав пальцы, приподнимаю голову мужчины, наклоняюсь и говорю:

– Меня не посылают к тебе. Меня посылают ко всем.

Он хотел закрыть дверь далеко не из лучших побуждений. Меня с детства недооценивали, потому что я не мужчина. Порой мои оппоненты побеждали, но больше нет.

– Доставай деньги. – Я отбрасываю Скарсмана.

Он приземляется на четвереньки.

– Сейчас же, я серьезно! – кричу, пнув его.

Хозяин клуба подползает к своему столу, встает, роется в ящике, достает контейнер с мелкой наличностью. Как только он снимает крышку, я хватаю все, даже не пересчитывая.

– Черт бы тебя побрал, Аро! – сдавленно произносит Скарсман.

Вскидываю дубинку, сбиваю со стола лампу и прочее барахло. Скомкав купюры в кулаке, поднимаю их вверх.

– Не вынуждай меня снова тащиться в твой гадюшник ради этого. В следующий раз пришлешь Анхеля в гараж. Ты знаешь, что к чему.

Только он постоянно динамит нас с доставкой в надежде, что Хьюго просто забудет.

Я ухожу, намеренно не оборачиваясь, однако чувствую угрозу, как и на всех предыдущих объектах. Каждый шаг приближает меня к свободе.

Проходя мимо сцены, останавливаюсь около Сильвер, сую ей в руку несколько сотенных купюр и шепчу на ухо:

– Поделись с остальными, ладно?

Она ошарашенно смотрит на деньги – заслуженный бонус

к тем грошам, которые им платит Скарсман, – и кивает.

– Спасибо. Ты в порядке?

Должно быть, Сильвер замечает мою тревогу.

Но я тоже киваю.

– Все хорошо.

С уверенностью, что девушка не оставит всю сумму себе, двигаюсь дальше. Сильвер в курсе – если не поделится с коллегами, я об этом узнаю.

Шмыгнув за занавес, прохожу в гримерку. Кто-то из девочек пересчитывает чаевые, другие разговаривают, пишат эсэмэски или прихорашиваются.

Я вижу Вайолет Леон, сидящую перед зеркалом, и подхожу к ней. Она оборачивается, улыбаясь.

– Аро.

Наклонившись, целую Вайолет в щеку, после чего ощущаю, как ее губы прижимаются к моей щеке. Наверняка оставляя после себя смачный отпечаток фиолетовой помады.

– Оплати ему те уроки езды на мотоцикле в подарок на день рождения, – говорю тихо, передав ей несколько банкнот.

Ее сыну девять. На протяжении нескольких лет я время от времени присматривала за ним, а Вайолет нянчила меня, когда я была маленькой. В сорок восемь она не планировала заводить еще одного ребенка, однако получила неожиданный сюрприз. И с младшим хлопот оказалось больше, чем с тремя старшими детьми.

Но он хороший мальчишка. Посещать занятия в «ДжейТи Рэйсинг» – его мечта.

Вайолет смотрит на деньги.

– Ты серьезно?

Я кладу оставшуюся выручку в карман.

– Аро, я не могу... – Вайолет качает головой.

– Еще как можешь, – отвечаю, выпрямившись.

Луису радости будет на целый год. Нам всем и так тяжело живется. Пусть хоть он повеселится.

Она улыбается; ее глаза наполняются слезами. На этом с меня хватит. Я разворачиваюсь, иду к черному ходу и распахиваю дверь.

Вдруг замешкавшись, оглядываюсь через плечо на двух детей, играющих на полу с конструктором. Их мать, вероятно, на сцене. Мой взгляд устремляется в сторону мотеля, расположенного у противоположного конца парковки. Кора Крейг выходит из номера, за ней следует дальнобойщик. Он направляется к своей машине, а она возвращается в клуб с деньгами в руке, на ходу поправляя одежду.

Когда женщина проходит мимо и останавливается, чтобы погладить по голове свою дочь, я отвожу взгляд.

На мгновение словно в прошлое возвращаюсь: мне снова пять, только я не играла с конструктором, а разукрашивала мелками книжку-раскраску с русалками.

Чувствуя, как желчь подступает к горлу, открываю рот и выбегаю наружу. Стальная дверь захлопывается за мной. Я

прислоняюсь спиной к стопке палет, роняю дубинку и склоняю голову, стараясь дышать размеренно.

Мое тело дрожит. Втянуть воздух не получается, потому что от желания разрыдаться дерет в глотке. Слезы подступают к глазам.

Я ненавижу ее. Ненавижу эту жизнь.

Ненавижу все, что вижу.

Развернувшись, прислоняюсь к стене. Меня бросает в пот. Зажмуриваюсь, стараясь подавить приступ тошноты.

Но потом открываю глаза и смотрю вверх, где расстилается необъятное ночное небо, усеянное звездами. Я вижу Марс – сегодня он самый яркий на небосводе. Марс мне нравится больше остальных планет, потому что он самый доступный для нас. Когда-нибудь люди полетят туда. Может, кто-то из моих ровесников, и я буду наблюдать за этим в прямом эфире.

Вдыхая и выдыхая, представляю, будто небо тоже смотрит на меня, и мне хочется стать достойной внимания.

Кровь немного остывает. Я выпрямляюсь и расправляю плечи, успокоившись.

Это всегда помогает – смотреть вверх. Там есть лишь возможности. И вид никогда не бывает плохим.

Поворачиваюсь, чтобы двинуться к парковке, однако, заметив две фигуры впереди, резко останавливаюсь. Ко мне приближаются полицейские, мужчина и женщина. Судя по их довольным взглядам, они нашли именно то, что искали.

Черт.

– Вы вооружены? – спрашивает мужчина.

Медленно поднимая руки, показывая, что они пусты. Дубинка до сих пор валяется на земле где-то позади меня.

– Нет, сэр.

– Выверните карманы.

Мои глаза опускаются к оружию в его кобуре. Женщина останавливается у него за спиной.

– Я не нахожу это уместным, сэр, – говорю, смягчив голос, хотя пульс зашкаливает.

Коп просто смеется. Наклонившись, он произносит шепотом:

– Я могу задержать тебя без предъявления обвинений на срок до сорока восьми часов. А еще могу обыскать.

Знаю. Однако все равно пытаюсь возразить:

– Мне некомфортно, и я не даю на это согласия, сэр. – Кажется, словно вместо денег у меня в кармане лежит футбольный мяч, что явно не ускользнет от их внимания. Там, наверное, несколько тысяч баксов. – Я могу идти?

– Нет.

Разумеется, нет. Но попробовать стоило.

Я не могу провести сорок восемь часов в камере.

– Хорошо, я даю согласие на обыск, сэр, – продолжаю, прокашлявшись.

Женщина делает шаг вперед, резко разворачивает меня, и я упираюсь ладонями в кирпичную стену. Она ощупывает

мой торс, ноги, руки, вытряхивает все из карманов. Закрыв глаза, задерживаю дыхание; живот сводит от тошноты, когда перестаю ощущать тяжесть наличных.

Не возвращайся с пустыми руками.

Офицер бросает найденное на крышку мусорного контейнера, после чего отходит в сторону.

– Оружия нет, – объявляет женщина. – Она сказала правду.

– Ой, извини, деточка. – Мужик нависает надо мной. – Хорошей ночи, ладно?

Подбородок дрожит. *Ублюдок.*

Дожидаюсь, пока они уйдут. Мне не нужно оборачиваться, чтобы понять – деньги исчезли.

Мой бело-черный бумажник в горошек, ключ от дома и мобильный телефон лежат на баке. Денег нет.

Я пинаю мусорный контейнер. Глухой звон разносится эхом в тишине.

– Сукин сын!

Закричав, прижимаю руки к голове и вновь нахожу Марс, посмотрев на небо.

Но сосредоточиться не получается. Проклятье.

Не возвращайся с пустыми руками. Я не могу вернуться ни с чем. Опять. Хьюго больше не даст мне работу.

Либо заставит выплатить долг другим способом.

Всегда так. Исход может быть любым, и всегда все идет наперекосяк.

Подхватив с земли дубинку, устремляюсь к стоянке. Задние фары полицейской машины как раз скрываются из виду. Томми стоит возле «Чероки», потягивая что-то из своей фляжки.

Я забираю ее, делаю глоток текилы.

Руки пронзает ноющая боль – настолько сильно сжимаю кулаки. Мне все равно, вернусь ли я с десятью тысячами баксов или с синяком под глазом, главное, хоть с чем-то.

– Где Пираты сегодня тусуются? В «Ривертауне»?

Девчонка кивает.

– Да. Вероятнее всего.

Я возвращаю ей фляжку и огибаю тачку.

– Залезай.

– Но меня туда не пустят, Аро, – возражает она.

Не пустят? Вскидываю брови; мой гнев только усиливается. К черту всех.

Мы обе забираемся в салон и пристегиваемся. Я срываюсь с места на бешеной скорости, включаю радио погромче, чтобы мелкая меня не отговорила.

В те времена, когда я еще ходила в школу, соперничество Уэстона с Шелбурн-Фоллз гремело на всю округу.

Ну, было несколько ярких эпизодов, по крайней мере. Если выдавался свободный от работы, присмотра за детьми или других беспокойств вечер, я садилась в машину с друзьями, и мы ехали на их территорию. Нас разделяло всего несколько километров, однако они будто в совершенно другом мире

жили.

В Фоллз есть команда по плаванию. Скейт-парк. Очаровательные магазинчики, парки, а родители и копы закрывают глаза, когда детишки гоняют на маминых и папиных авто.

Или громят ломом «Мустанг» своего парня. Не уверена, правдива ли эта история, но забавно думать, что такое действительно произошло.

Конечно, у них имеются и помойки. Плохие районы, бедняки. А также особняки, вечеринки, местные знаменитости. Джаред Трент – бывший гонщик, которого часто показывают по ТВ, и его невестка Джульетта, чьи романы входили в мой список для чтения в старших классах.

Жители Фоллз всегда были лучше нас, и они прекрасно это знали.

Хотя мы тоже кое в чем не уступали.

Я мчу по городу, вспоминая, как в детстве мечтала жить в подобном месте: зеленые лужайки, фонари на крыльце, запах гамбургеров, приготовленных папой на гриле во дворе.

Повзрослев, я поняла, что между видимостью и реальностью огромная разница. Внутри всех этих идиотских красивых домов встречались лжецы, как и везде. К черту Фоллз.

Поворачиваю на Хай-стрит, притормаживаю у тротуара и оглядываю соседние заведения. Некоторые еще работают, но большинство закрылось на ночь. Пекарня «Глазурь», вероятно, не откроется до следующего сезона. Владелица, насколько я слышала, студентка. Скорее всего, она уже вернулась в

колледж. Вывеска «Ривертауна» сияет над входом, лампочки в названии вспыхивают одна за другой снизу вверх и обратно. Внутри горит свет, и Пиратов битком набито.

– Аро, они меня не пустят, – снова повторяет Томми.

Мимо пробегают две женщины с колясками. Мамы, взявшие на пробежку детей. Я тихо усмехаюсь. *Это место...*

– Идем.

Выбравшись из машины, бросаю дубинку на заднее сиденье и оглядываюсь, чтобы убедиться, что мелкая пошла следом. Не знаю, чего Томми боится, но сегодня она со мной.

Мы пересекаем улицу. Я натягиваю капюшон, открываю дверь и захожу в помещение. Музыка гремит, словно в баре, дым от чьего-то вейпа витает под потолком в тусклом свете ламп.

«Ривертаун» – управляемый хаос, а дети по своей глупости не замечают этого. Родители построили им хорошее место для встреч, похожее на клуб, с кабинками и приватными зонами в прилегающих сзади тоннелях, отличным меню, миллиардными столами и громкой музыкой, однако оно расположено прямо в центре города. На виду у дорожных камер. В квартале от полицейского участка.

Эти выскочки ведут себя так, будто весь мир принадлежит им, но, полагая, волки, рожденные в неволе, даже не подозревают, что не должны сидеть на привязи.

Осмотревшись вокруг, вижу, как на меня устремляется несколько взглядов – проверяют, кто вошел в чат, – и подав-

ляю свое веселье. Держу пари, тут у всех имена вроде Хадсон или Харпер.

Я подхожу к барной стойке, ощущая сдвиг в атмосфере. Разговоры затихают, перешептывания начинают заглушать музыкальный автомат. Мне здесь не место.

Они знают, кто я такая. Теперь посмотрим, что произойдет дальше.

Прислонившись спиной к латунным перилам, оглядываю зал. Томми становится рядом со мной.

– Если хотите задержаться – делайте заказ, – говорит кто-то.

Повернув голову, смотрю на бармена. Парень меняется в лице, когда до него доходит.

– Не важно, – ретируется он.

По-моему, мы продаем ему траву.

Я окидываю взглядом столики, расставленные вдоль стены, замечаю Трент и наблюдаю за ней, пока она не поднимает глаза, перестав делать вид, будто не заметила моего появления.

Даже забавно осознавать, что дочь Джареда Трента должна мне денег.

Кто-то стоит рядом с ней, и я отсюда чувствую его присутствие.

Хотя он смотрит не на меня. Его пристальный, переполненный нетерпимостью взгляд направлен на девочку, стоящую рядом со мной. Посмотрев на парня, потом на Томми,

замечаю, как она опускает глаза, словно пытается исчезнуть.

Они меня не пустят.

– Это твой город, – говорю ей. – Почему они тебя ненавидят?

Она лишь качает головой. Я бросаю очередной взгляд на стол Пиратов, сильнее распаляясь от злости. Томми тринадцать. Что их, мать твою, не устраивает?

– Торгуешь? – спрашивает какой-то парень, пристроившийся сбоку.

– Нет.

Он уходит, а я мотаю головой. Смешно, что мне здесь рады больше, чем Томми. Наверное, я более полезна.

Трент поднимается и идет в нашу сторону, останавливается возле меня, притворяясь, будто что-то заказывает.

– Я все верну завтра, – тихо произносит она, после чего берет соломинку, тянется через барную стойку и наливает себе содовую.

– Дилан, – возмущается бармен.

Но я отвечаю:

– Сейчас.

– У меня нет такой суммы.

– Сейчас. – Наслаждаясь ситуацией, грозно смотрю на голубоглазую в надежде, что у меня появится причина ей вредить. – Иначе наша следующая встреча состоится перед твоими родителями или у школы.

– Пошла ты к черту. – Трент потягивает свой напиток,

хлопая ресницами. – Я не обязана платить за плохой товар. Продолжай наезжать на меня, и у тебя не останется ни одного покупателя.

И я не сдерживаюсь. Выбив стакан из ее рук, дергаю девчонку за волосы.

– Ай! – вскрикивает она. – Отвали!

Толпа взрывается ревом, люди окружают нас. Трент обхватывает мои ноги, бьет плечом в живот и прижимает к барной стойке. Я падаю на деревянные табуреты. Боль пронзает спину.

– Уф, – рычу, утягивая ее за собой.

Вцепившись ей в воротник, отталкиваю Трент, переворачиваю и, забравшись сверху, пригвождаю ее к полу.

– Слезь с нее! – орет кто-то. Десяток ног мельтешит вокруг.

Меня хватают за одежду, но отпускают прежде, чем я успеваю их отбросить.

– Ты только хуже сделаешь, – произносит мужской голос.

Трент бьет меня по лицу. Я завожу кулак назад, радуясь, что у нее не оказалось денег. Так веселее.

Правда, нанести удар мне не дают. Кто-то, схватив обеими руками за куртку, оттаскивает меня от девчонки и толкает назад. Парень в длинных черных шортах, белой футболке и кроссовках наклоняется, затем поднимает Трент на ноги.

Он проверяет ее лицо, однако она, отмахнувшись от него, свирепо смотрит на меня, словно на грязь.

Соплячка. Пытаюсь протолкнуться мимо чувака, чтобы наконец-то ей всыпать. Он ловит меня за шиворот и отводит подальше от Трент, рывкнув:

– Назад!

Незнакомец уже отворачивается, как вдруг что-то привлекает его внимание. Взгляд голубых глаз опускается к моей шее. Нахмутив темные брови, он убирает мои волосы.

Я отталкиваю его руку, оскалившись, но парень уже увидел то, что хотел.

Он грозно оглядывается на ту, кого защищал.

Длинная зеленая линия перечеркивает вертикальную надпись «*RIVER*»¹, спускающуюся вдоль боковой поверхности моей шеи. Это метка банды Грин Стрит².

Теперь он в курсе – Трент сама нарвалась.

Она стыдливо избегает его взгляда, словно у нее проблемы. Словно...

Он поругает ее.

И тут меня осеняет. Он не ее парень. Это Хоукен Трент. Ее двоюродный брат.

Так, так, так, мистер президент класса. Недавно окончил школу. Я вспомнила. Он выше, чем кажется на фотках в спортивном разделе местной газеты.

– Проваливай отсюда, – заявляет блондин, в котором я узнаю Кейда Карутерса.

¹ Река.

² Зеленая улица.

Они оба футболисты. По крайней мере, Хоук играл в футбол.

Кто-то приближается ко мне, однако, запустив пальцы в свои короткие черные волосы, Хоук цедит сквозь зубы:

– Подожди. – Он вытаскивает бумажник, играя желваками, достает несколько купюр. – Сколько? – спрашивает, не глядя на меня.

Но Дилан Трент выпаливает:

– Хоук, не плати ей ни цента! Она продала мне сломанный телефон!

– Ты лживая мелкая дрянь, – рычу я, выглядывая из-за ее кузена. Моя кожа пылает.

Ему отвечает Томми:

– Четыреста.

Я слышу, как Хоук отсчитывает деньги, а сама не свожу глаз с Дилан. Она обиженно дуется.

Хотя все равно прячется за братцем, не так ли? Подруги толпятся вокруг нее; какая-то блондинка качает головой, глядя на меня.

Хоук протягивает руку Кейду.

– Дай мне свои наличные.

Когда у блондина отвисает челюсть, Хоук вскидывает брови. В итоге, вздохнув, Кейд выуживает деньги и протягивает ему.

Пока Хоук считает, Дилан показывает мне средний палец. В ответ я улыбаюсь, предвкушая веселье. *Я тебя на лоскуты*

порезу.

Хоук сует деньги мне в руку, и я смотрю на них. Грязь видна под моими ногтями сквозь сколы красного лака трехнедельной давности.

– Если в будущем у тебя возникнут проблемы с кем-либо из Фоллз, – говорит Хоук, – то будешь решать их через меня. Я не хочу видеть ваши наркотики, дерьмовое краденое барахло или выходки уэстонских Бунтарей в нашем славном городе. Поняла?

За исключением музыки, по-прежнему доносящейся из колонок, в зале повисает тишина. Все смотрят на нас с Томми. Однако потом... слышится чей-то тихий смех. Подняв глаза, замечаю, как блондинка, стоящая рядом с Дилан, прикрывает свою ехидную улыбку ладонью.

Стены будто сдвигаются.

Сейчас она получит повод улыбнуться.

Я швыряю деньги обратно. Не дав никому опомниться, сжимаю кулаки и вскидываю ногу. Носок моего ботинка врежется прямо в ее гребаный рот.

Раздаются крики; я делаю выпад, но Хоукен Трент подхватывает меня раньше, чем я успеваю дотянуться до его кухни, и закидывает себе на плечо. Извиваясь, пытаюсь высвободиться.

При этом все равно отлично вижу блондинку. Она на полу. Зажимает рот рукой, вереща, словно ребенок. Кровь струится между ее пальцами. Люди толпятся вокруг, пыта-

ясь ей помочь, только Хоук уносит меня прочь.

– Господи Иисусе, – сдавленно произносит он, резко поставив меня на тротуар, и пятится назад. Я ощущаю медный привкус во рту. Его сестра разбила мне губу, нанеся один хороший удар во время драки.

От взгляда Хоукена и цвета его глаз желудок куда-то проваливается.

– Ты знаешь, каков процент рецидивистов среди людей, сидящих в тюрьмах? Такой жизни ты хочешь для себя?

Да ладно...

Томми подходит ко мне, а я вновь натягиваю капюшон.

– Осенью тебя не будет рядом, чтобы защищать своих девочек, мистер президент класса.

– Я буду неподалеку, – отвечает Хоук с таким видом, будто сдерживает улыбку, отступая обратно к клубу. – Чтобы я больше не видел твою задницу здесь. Проваливайте!

Открыв стеклянную дверь, он возвращается в «Ривертаун».

Ничего не могу с собой поделать. Я улыбаюсь.

Они все такие высокомерные.

Но я хорошо ее отделала. Им обоим досталось.

Схватив Томми, подталкиваю ее к машине.

– Если честно, – говорит она, пристегивая ремень безопасности, – я пока не впечатлена. На данный момент мы остались без денег, и двоим мужчинам удалось успешно тебя развести. Возможно, тебе стоит дать мне шанс?

Улыбаясь, достаю бумажник, который вытащила из заднего кармана Трента, когда он выносил меня из бара. Открыв его, нахожу именно то, что искала. Ключ-карту от штаб-квартиры «ДжейТи Рэйсинг».

Я знаю всех Пиратов. И на что они годятся.

– Ты можешь помочь. – Протягиваю ей карточку. – Заинтересована?

Глаза Томми округляются; она хватается ключ, смеясь.

– Да, черт побери.

Включив зажигание, трогаюсь с места и набираю номер своих приемных братьев. Трубку берет Николас.

– Вы мне нужны.

Глава 2

Хоук

Я провожаю взглядом удаляющийся джип. Она явно двинулась не в сторону своего дома, но меня это не волнует.

О чем только думала Дилан? От Уэстона и так хорошего не жди, а Грин Стрит вообще не остановится. Ей не нужны проблемы с ними.

Скайлер прикрывает рукой свой кровоточащий рот.

Раньше соперничество между «Пиратами» из Фоллз и «Бунтарями» из Уэстона было, так скажем, умеренно опасным, уровня стычек на Петле. Однако за двадцать лет положение вещей сильно изменилось. Наш город стал богаче – люди вроде моего отца и дядюшек преуспевали, создавали новые рабочие места, организовывали мероприятия, увеличившие вливания в бюджет. Уэстон, наоборот, обеднел.

Правда, трудности – это не всегда плохо. Лишь отчаяние способно дать нам толчок для последующего роста. Уэстон нашел способ встать на ноги. Позорный, но все же. И незаконный.

Бэлла и Сокорро поднимают Скайлер с пола.

– Ты в порядке? – спрашиваю, подойдя к ней.

Она просто отворачивается, поскуливая, и бежит в уборную. Ее подружки отправляются следом.

У Скайлер сильное кровотечение. Вероятно, ей придется наложить швы. Почти уверен, что ее никогда в жизни не би-ли.

Порываюсь пойти за ней, но останавливаюсь. Она расстала-сь со мной. Если понадобится, Скайлер сама попросит о помощи.

Заметив Дилан, подхожу к ее столику, выдвигаю стул и сажусь. Кейд занимает место рядом со мной. В руке у него наши деньги.

– Нам нужно проучить их, – говорит он мне. – У нас до-статочно проблем с Сэнт-Мэттом. Я не хочу, чтобы ты оста-вил меня разбираться еще и с Уэстоном.

Через пару недель я начинаю учебу в Университете Клар-ка, который окончил отец, а Кейд перейдет в выпускной класс. Последний год в школе, футбол, Ночь вражды и Неде-ля соперничества. Кейд жалуется на то, что ждет его впе-реди, хотя, откровенно говоря, он с нетерпением ждал шанса встать у руля.

– Она пришла сюда не как представительница Бунтарей, – возражаю я. – Эта мелкая недалекая преступница вскоре ста-нет заключенной тюрьмы Стэйтвилл. – Многозначительно посмотрев на Дилан, вижу только ее длинные темные ресни-цы под бейсболкой, пока она макает чипсы в соус кесо. – Ес-ли вы перестанете покупать у них...

Кузина резко поднимает глаза.

– У меня не было выбора. В прошлом году за каждое

невыполненное задание отец забирал мой телефон. Мне нужен запасной. Занятия скоро начнутся.

– Или ты могла бы просто делать уроки?

– Не могла. – Она пожимает плечами, забросив чипс в рот. – Слишком занята поисками тебя, когда ты прогуливаешь школу.

Качаю головой, однако затыкаюсь. Дилан всегда пользуется этой уловкой младшей сестры. Глядя на меня голубыми, как у ее матери, глазами и с широкой ясной улыбкой, как у ее отца, которой она пользуется гораздо чаще него, Дилан говорит, что просто следует моему примеру: повторяет мои действия, а не слушает нравоучения. У меня идеальный средний балл. Я могу себе позволить пропуски занятий.

– Держи. – Кейд протягивает мои деньги, остальное убивает в карман.

Забрав купюры, тянусь к заднему карману за бумажником.

– Все это дерьмо с Сэнт-Мэттом на твоей совести, – говорю я кузену. – Ты способен найти общий язык со своим собственным братом.

Кейд поджигает губы и отводит взгляд в сторону, прекрасно зная – я не оставлю его разгребать заварухи, начатые мной.

Второй рукой проверяю другой карман.

– Ну, если наш город слишком мал для тебя, Хоук, – вклинивается Дилан, – почему ты выбрал колледж поблизости от

дома?

Когда я не обнаруживаю свой бумажник, на меня снисходит понимание, и ее слова теряют смысл.

– В чем дело? – спрашивает она.

Я смотрю на кухню, затем на дверь. *Черт!*

Дилан охает, в шоке уставившись на меня.

– Она не... – После чего, запрокинув голову назад... заливается смехом. – Боже мой. Это фантастика.

Серьезно? На чьей она стороне?

Мой телефон звякает. Вытащив его, читаю уведомление.

«ДжейТи: Активирован сигнал тревоги 08. Вам нужна помощь?»

О, нет. Мой бумажник. Там лежала ключ-карта от мастерской.

Взгляд молниеносно возвращается к Дилан.

– Едем! – распоряжаюсь, затем поворачиваюсь к Кейду. – Сейчас же!

Не задавая вопросов, они подсакивают со стульев и выбегают следом за мной из бара. Мы несемся через дорогу к пикапу Кейда. Он бросает ключи мне.

– Я не могу получить еще один штраф. Садись за руль.

Едва забравшись в салон, я запускаю двигатель, переключаю рычаг в режим «Вождение» и срываюсь с места. Звучит предупреждение о не пристегнутых ремнях, но я не обращаю на него внимания. Поворачиваю налево, потом направо. До мастерской меньше двух кварталов.

– Напишу Дирку и Столи. – Кейд быстро печатает сообщения нашим друзьям. – Нам может понадобится помощь.

Надеюсь, что не понадобится. Девчонке лучше не приводить туда своих сообщников.

Я дергаю руль, въезжаю на парковку и, услышав вой сигнализации, ударяю по тормозам.

Звонит мобильник Дилан. Выскакиваю из машины, осматриваюсь в поисках незнакомки. Или Томми. Вспышки света, движения. Чего угодно.

Заметив разбитое стекло – осколки одной из фасадных панелей рассыпаны на полу мастерской, – поднимаю взгляд ко второму этажу. Девчонки нигде не видно.

К черту. Я шагаю внутрь, не заботясь о том, вооружена ли она.

– Здравствуйте, – доносится сзади голос Дилан. – Код 9556732, фамилия Трент, пароль Мэдмэн.

Она идет за мной, прижимая телефон к уху поверх своих светло-каштановых волос, однако Кейд тянет ее назад.

– Дилан, нет. – Он указывает на стекло и ее шлепанцы. – Оставайся здесь.

Кузина кивает, одновременно пытаюсь слушать представителя охранного агентства на другом конце линии.

– Да, пришлите полицию.

Наших родителей нет в городе, только они все равно получают оповещение. И позвонят в любую минуту.

Оглядываюсь по сторонам. Везде темно, не слышно ни

звука. Проверив первый этаж, отмечаю, что оборудование дяди Джареда, компьютеры отца, мотоциклы и машины целы. Вечером, когда я уходил отсюда, все выглядело так же.

– Я никого не вижу, – произносит Кейд.

– Хорошо. Спасибо. – Дилан завершает разговор, после чего смотрит на нас. – Копы уже в пути.

Похоже, за исключением разбитого окна, все в порядке. Нет никаких следов ни незнакомки, ни дочери Дитриха. Что?.. Она действительно пришла сюда, только чтобы разбить окно? Зачем тогда красть мой бумажник?

– Она должна была знать, что здесь установлена система безопасности, – говорит Дилан. – Глупо с ее стороны.

Да уж. Почему?..

Вдруг мне в голову приходит мысль. Я снова обшариваю карманы. Помимо бумажника пропали еще и ключи.

В груди все сжимается.

– Это не глупость, – выдыхаю. – Это отвлекающий маневр.

Кейд и Дилан переглядываются, а я пускаюсь в бег.

– Оставайтесь здесь! – кричу, мчась к пикапу. – Разберитесь с полицией.

– Хоук! – зовет Дилан.

Кейд тоже выкрикивает:

– Хоук!

Но я не останавливаюсь. Захлопнув дверцу, вылетаю с парковки и гоню домой. Твою мать.

Она знала про систему безопасности. Эта девица не глупа.

Злобная мелкая мерзавка точно знала, что нужно сделать, чтобы полиция и я оказались где угодно, только не там, куда она собралась наведаться.

– Черт побери. – Стискиваю челюсти, больше разочарованный в себе. Как я вообще допустил такое?

Когда она вытащила мой бумажник и ключи? Должно быть, пока я выносил ее из бара. Почему я этого не почувствовал?

– Ради всего святого, – цежу сквозь зубы, чувствуя себя идиотом.

Я въезжаю на Фолл Эвэй Лэйн, однако останавливаюсь у обочины в нескольких дворах от своего и выключаю фары. Не хочу оповещать ее о своем прибытии.

В «Ривертауне» Бунтарка была одна – ну, помимо девчонки Дитрих, – а Томми мне не страшна. Пока она не вызвала подкрепление из Уэстона, я вытаску ее из дома, не дав ей шанса что-нибудь испортить.

Выбравшись из пикапа, иду по улице, оглядываюсь по сторонам, только незнакомых машин не обнаруживаю. Девчонка должна была оставить свой джип рядом, но не на виду.

Повернув направо, останавливаюсь на тротуаре и смотрю на свой дом, соседствующий с домом Дилан. Папа и дядя уехали в Чикаго, чтобы встретиться с инженером, которого планируют нанять. Они взяли с собой мою маму, Тэйт и Джеймса.

И весь день выкладывали фотки в социальных сетях.

Гребаный ад. Она знала, что тут пусто, когда встретила нас с Дилан в баре.

Я подхожу к дереву, расположенному между участками, внимательно всматриваюсь в окна в поисках любых намеков на присутствие двух девушек.

Внезапно мое внимание привлекает движение. Резко повернув голову влево, замечаю проблеск фонарика в коридоре второго этажа дома кухни.

Толстые ветви старого клена раскинулись между нашими с Дилан спальнями. Быстро вскарабкавшись на дерево, пробираюсь к французским дверям ее комнаты. К счастью, они приоткрыты.

Я медленно перекидываю ноги через перила, достаю телефон, пишу Кейду сообщение, после чего отключаю звук.

– Тс-с-с! – Слышу чей-то шепот из коридора.

Каждый мускул в моем теле напрягается.

Осматриваясь вокруг, я пересекаю комнату и подхожу к двери.

До меня доносится негромкий смех. Едва успеваю спрятаться, потому что через секунду дверь открывается. Входит Томми Дитрих.

Я хватаю ее.

Она вскрикивает, но я закрываю ей рот, затем крепко прижимаю к себе. Впрочем, малявка даже не сопротивляется. Она еле дышит, словно испуганный крольчонок.

Наклонившись, шепчу ей на ухо:

– Ты сейчас уйдешь домой, поняла?

Томми быстро кивает.

– А еще ты перестанешь выбирать в друзья неудачников лишь потому, что они уделили тебе толику внимания.

Она вновь кивает.

Уэстон – это единственное место, где Томми смогла найти друзей, поэтому и тусуется там.

– Уходи. Тихо.

Отпустив ее, медленно отхожу и наблюдаю, как она вылезает наружу через французские двери. Девчонка не оглядывается, торопливо перебираясь на дерево. Я тем временем отворачиваюсь, берусь за ручку двери и открываю ее.

Тут у меня за спиной раздается крик Томми:

– Он в доме!

Зажмурившись, борюсь с желанием обматерить тринадцатилетку. *Черт побери.*

Выйдя в коридор, закрываю за собой дверь, на мгновение замираю. Незнакомка может быть вооружена. Я смотрю вниз поверх перил. Не увидев ее, изучаю все двери верхнего этажа. Комната моих тети и дяди, комната Джеймса, гостевая, ванная, кладовые. Офис на первом этаже и спальня Джареда и Тэйт – вот основные цели. Там больше всего ценностей.

Ступая с пятки на носок, наострив уши и глаза, бесшумно спускаюсь по лестнице.

Я открываю рот, на секунду колеблясь, однако девчонке все равно уже известно, что я здесь.

– Итак, откуда ты узнала, что только на окнах моей кухни не установлена сигнализация? – спрашиваю громко. – Возможно, давно планировала это дельце?

Она приехала в «Ривертаун» с целью выкрасть у меня бумажник с ключами? Или у Дилан?

– А может, тебе просто повезло, – добавляю я.

Остановившись на последней ступеньке, бросаю взгляд на темную кухню слева, потом на гостиную справа. Телевизор слишком большой, его не унесешь, а антиквариат и предметы искусства они не собирают, в отличие от Мэдока с Фэллон. Обогнув перила, смотрю в сторону офиса Джареда в конце коридора. Его стоило бы обшарить, особенно с учетом того факта, что дяде не хватает терпения каждый раз открывать сейф, поэтому вещи валяются повсюду.

Деньги для мелких расходов, например, банковские реестры, которые он приносит домой из мастерской каждый вечер, если ленится и не находит времени внести их на депозит.

Ядвигаюсь к офису.

– Ты могла бы ограбить мастерскую, знаешь? Я бы позволил тебе украсть все что угодно. – Половицы трещат под ногами, и я останавливаюсь. – Там все застраховано и не стоит риска.

– Но вломиться к нам домой было ошибкой, Бунтарка. – Шаг за шагом приближаюсь к двери. – Брось то, что взяла. И уходи.

Потянувшись к ручке, слышу звук шагов у себя над головой. Следом скрипит дверь в спальне Дилан.

Черт!

Я бросаюсь обратно в фойе, хватаюсь за перила и поднимаюсь по лестнице, переступая через три ступеньки.

Вбежав обратно в комнату кухни, вижу, как девушка, которая была с Томми, перелезает из окна на дерево.

– Стой! – кричу я.

Вероятно, ей не удалось хорошо пожить, но она явно что-то взяла.

Я гонюсь за незнакомкой; подпрыгнув, хватаюсь за верхнюю ветку и приземляюсь на ту, по которой сюда забрался.

Девчонка разворачивается лицом ко мне. Мы оба останавливаемся и смотрим друг на друга.

Мельком бросаю взгляд вниз. Падение нас не убьет, хотя без сломанных ног точно не обойдется.

– Брось то, что взяла, – огрызаюсь, шагнув вперед.

Девчонка, наоборот, неспешно пятится, пока я наступаю. Минует ствол, переходит на сук, ведущий к моему окну.

Я стискиваю зубы.

– Если сунешь нос в мою комнату...

– Знаю. – Хоть я не вижу ее губ, даже по голосу понятно – она улыбается. – Наслышана о тебе.

Уверен, так и есть. Люди любят говорить гадости, к тому же все верят сплетням.

Но это правда. Мне не нравится, когда другие роются в

моих вещах.

Ее ноги – носок правого ботинка обмотан скотчем, – уверенно передвигаются по ветви. Сомневаюсь, что посторонние когда-либо лазали по нашему дереву. По крайней мере, за последние тридцать лет или около того.

– Мама Дилан выросла в этом доме. – Замерев, удерживаю ее внимание на себе и киваю назад. Затем указываю на окно, к которому она приближается. – Ее отец вырос там. Это дерево соединяло их спальни.

Я делаю шаг, она тоже.

– Ты ведь слышала эти истории, верно? – Продолжаю следовать за незнакомкой. – Про девушку, оказавшую сопротивление своему обидчику? Лучших друзей детства, сначала ставших врагами, а потом возлюбленными? – Легенды о Джареде и Тэйт до сих пор циркулируют по школе. Дилан это уже порядком надоело. У бедной девочки складывается ощущение, будто ей придется разгромить ломом машину, чтобы доказать, чей она ребенок. – В детстве Тэйт была одинока. Как и Джаред. Это дерево стало мостом между ними, когда каждый из них нуждался в друге. Когда им нужно было развеять грусть, взглянуть на мир по-новому.

Одной рукой девчонка сжимает ремешок черной сумки, пересекающий ее грудь, второй – держится за ветку над головой.

– Полагаю, именно поэтому родители решили не ставить сигнализацию на наши окна, – объясняю я, двигаясь впе-

ред. – Они хотели, чтобы мы могли довериться друг другу, если побоимся говорить с ними. Это дерево – часть семьи. Оно никогда не умрет. В отличие от тебя, деточка. И смерть свою, скорее всего, ты встретишь в юном возрасте.

Потому что совершаешь глупости.

Бунтарка останавливается. Свет с моего крыльца озаряет ее глаза цвета полуночного неба.

– Разве ты не желаешь сначала хоть немного насладиться свободой? – произношу дразнящим тоном.

Прежде чем тебя неизбежно арестуют.

Однако девушка не улыбается. Ее взгляд ожесточается.

– Свобода? – шепчет она. – Что это такое?

Глаза ее блестят. Я замираю, осознав, что они наполнились слезами.

– Отсутствие обязанностей – это свобода? Отсутствие необходимости работать? Или работа, за которую платят достаточно, чтобы ты мог прокормить себя и найти ночлег не только на сегодня?

По всему телу пробегают мурашки. Мой рот приоткрывается; собираюсь ответить, но не знаю, что сказать.

– Я не ребенок. – Она хмыкает, словно я – сама наивность. – В отличие от тебя.

Развернувшись, девчонка распахивает окно моей спальни и ныряет внутрь.

Побежав следом, пробираюсь в свою комнату, мчусь к выходу, пока девчонка с грохотом спускается по лестнице в

фойе дома моих родителей.

Мне удастся догнать ее уже почти у входной двери. Я ловлю Бунтарку, и мы вдвоем врезаемся в стену.

Она рычит, пытаясь вырваться из моей хватки, но дергает слишком сильно. Мы падаем на пол. Боль пронзает мой локоть. Перевернувшись, девчонка встает на четвереньки, после чего поднимается на ноги. Только я успеваю схватить ее за капюшон, резко тяну назад, а когда она заваливается на спину, усаживаюсь на нее сверху.

– Ай! – выкрикивает девчонка, пытаясь меня ударить.

Сдергиваю сумку с ее плеча, отбрасываю в сторону. Заставив ее поднять руки, прижимаю их к полу и смотрю вниз.

Она размыкает губы, однако ничего не говорит, просто злобно смотрит на меня, оскалившись. Едва не улыбаюсь, наслаждаясь приятным жаром в груди из-за выброса адреналина. На протяжении нескольких недель моя голова была забита придирами отца, Скайлер. Я признателен за возможность отвлечься. Сейчас я выпустил больше пара, чем за полдня в спортзале.

– Тебя подвезти домой? – спрашиваю, склонив голову набок.

Девушка вздергивает подбородок, вся такая дерзкая. Еле сдерживаю смех. Ее черные глаза под длинными ресницами сулят боль и страдания, если я не слезу с нее, но ей это к лицу.

– Я подвезу, если хочешь, – дразню я. – Мои кузены по-

могут. Целый эскорт Пиратов сопроводит тебя обратно в эту дыру, Уэстон.

Вижу, как сжимаются ее челюсти, и все же она не выплескивает на меня свою ярость. Бунтарка научилась не уступать. Она привыкла к тому, что люди силой берут желаемое.

Хлопая по карманам ее куртки, в одном нащупываю уплотнение. Когда достаю оттуда бумажник, девчонка пытается отбиться от меня свободной рукой, рывкнув:

– Отвали!

Внутри лежит ее водительское удостоверение, и я читаю вслух:

– Аро Маркес. 686, 3-я восточная улица, Уэстон. – Закрыв бумажник, сую его обратно в карман. – Теперь эта информация будет храниться здесь вечно. – Указываю на свою голову, потом снова ловлю ее вторую руку. – Держись подальше от Фоллз, иначе я устрою тебе проблемы. – Я наклоняюсь. Она старается отвернуться, но ей некуда деваться. – И для этого мне даже не понадобится помощь папы или моя кредитка.

Мне известно, какие у них предубеждения насчет нашего города. Для нее мы все – избалованные детишки с трастовыми фондами, хотя Бунтарка лежит на полу моего дома и собственными глазами видит – это далеко не особняк.

Поднимаясь, тяну ее за собой, ухватив за куртку.

– Тебе не следовало приходить одной, милочка, – говорю, глядя на девчонку.

Внезапно снаружи раздается гудок и слышатся крики:

– Аро!

Я смотрю на нее сверху вниз. Она улыбается.

Ох, какого хрена?

Девчонка толкает меня в грудь. Пошатнувшись, я заваливаюсь на столик в прихожей. Блюдо с ключами падает, разбиваясь вдребезги.

В следующее мгновение уши закладывает от рева сигнализации. Вздвогнув, наблюдаю, как Аро выбегает через парадную дверь.

Я бросаюсь следом, вижу машины на улице. Свет фар ослепляет меня. Впереди девичьи ноги постепенно исчезают в темноте.

– Хоук! – Тяжелые шаги Кейда приближаются. С ним Дирк и Столи. Больше никого.

– Где Дилан?

– В мастерской с полицейскими, – отвечает он.

Написав ему сообщение, я попросил, чтобы он приехал сюда, однако сначала решил убедиться, не осталась ли Дилан одна.

Справа появляется небольшая группа людей. Обернувшись, замечаю среди них Аро. Теперь, когда ее мальчики здесь, она осмелела и гордо расправила плечи.

Я встречаюсь взглядом с Хьюго Наварре. Он был в выпускном, когда я перешел в девятый класс. Мы никогда не встречались на поле, но он продолжает участвовать в разборках между нашими городами.

– Так, так, так... – Парень неспешно подходит ближе, ведя за собой свою стаю – Николас позади него, Аксель справа. – Сколько тебе уже, Трент?

Достаточно, чтобы получить серьезный срок в случае причинения тебе тяжкого вреда, если ты об этом. А он об этом. Он хочет удостовериться, что я в курсе – теперь мне не прикрыться своим несовершеннолетием.

– Мне нужно обыскать ее, – заявляю ему.

В ее кармане лежало что-то еще.

Хьюго ухмыляется, глядя на свою шестерку.

– Ты что-то украла? – спрашивает он таким тоном, будто говорит со своим щенком, который не способен сделать ничего плохого.

Аро не отвечает, просто смотрит на меня. Ее глаза ехидно сверкают.

Хьюго смеется.

– Извини за это, старик.

Однако мой взгляд устремлен на Бунтарку.

– Выверни карманы.

Она этого не делает.

Телефон вибрирует в кармане. Достав его, проверяю экран.

– Охранное агентство получило оповещение о сработавшей сигнализации. Сейчас они звонят мне, – предупреждаю я. – Если не отвечу, пришлют полицию. Выверни карманы и убегай. У тебя около четырех минут.

Аро не разрывает зрительного контакта.

Едва шагаю по направлению к ней, Хьюго и его ребята уже наготове:

– Не трогай ее.

Они медленно приближаются.

– По крайней мере, пока не заплатишь, – добавляет он.

Девчонка молниеносно переводит взгляд на Хьюго с неприкрытой тревогой.

Он подходит ко мне.

– Я позволю тебе шмонать ее всю ночь за соответствующую цену. – Обернувшись через плечо, Хьюго обращается к Бунтарке: – Ты готова начать работать, как большая девочка?

– Хьюго... – Их друг Николас выдвигается вперед, словно собираясь вмешаться, а я сдерживаю улыбку. Не все так гладко у Грин Стрит.

Но Хьюго знает, кто здесь главный.

– Конечно, она не красотка, – говорит он мне. – Хотя, возможно, уличная девчонка – это именно то, что тебе нужно. Когда искупается, станет лучше. Обещаю.

Несколько его приспешников разражаются смехом. Я смотрю на Аро. Выражение ее лица уже не такое уверенное. Она потупила глаза, плотно сжав губы.

Ты готова начать работать, как большая девочка?

Он пытается сделать из нее проститутку? Сколько ей лет?

Мой отец убил бы этих парней.

Аксель тоже вальяжно идет в мою сторону.

– Девушки из Уэстона все равно горячее. Сам знаешь.

– Но если будешь не один, это обойдется дороже, – добавляет Хьюго, оглядывая Кейда, Дирка и Столи.

Я слышу голос Столи:

– Не-а. Мне такого добра не нужно.

– Запаришься обмывать ее из шланга, – присоединяется к его словам Дирк.

– Заткнитесь, – цежу сквозь зубы, после чего приближаюсь к Аро. – Иди сюда.

Бунтарка встречается со мной взглядом, затем смотрит на протянутую мной руку. Знаю, она ее не примет, однако попытаться стоило. Ей не место среди этих людей.

– Иди сюда, – повторяю я.

Девушка лишь мотает головой.

– Пошел ты.

Я достаю из кармана деньги, которые Кейд вернул мне, и предлагаю их Хьюго. Его брови взлетают вверх, а в глазах появляется жадный блеск.

Он забирает купюры.

– Подойди, – приказываю ей.

Не переставая мотать головой, Аро пятится назад, но Хьюго Наварре ловит ее за воротник.

– Нет! – Девушка сопротивляется.

Делаю шаг, готовый помочь, только этого я и хочу – чтобы он заставил ее подойти ко мне.

– Я же сказал тебе, не возвращайся домой с пустыми ру-

ками, – говорит Хьюго ей в лицо.

Он подталкивает Аро. Правда, она кусает его за руку, и громкий рык парня пронзает воздух. Я бросаюсь к ней. Вырвавшись из хватки босса, Бунтарка отступает назад, спотыкается, ускользая и от меня.

Доносится вой сирен, в конце улицы мигают огни полицейской машины. Когда наши взгляды вновь пересекаются, на ее лице явно читается страх.

Нет, не страх.

Ужас.

Она боится меня.

Неужели Аро думает, что я действительно ее покупаю? Шагаю ей навстречу, но она разворачивается и убегает. Я замечаю что-то зеленое, торчащее у нее из кармана. Полиция все ближе. Запрыгнув в черный «Мерседес», девчонка уезжает.

Развернувшись кругом, провожаю взглядом пролетевший мимо автомобиль. Меня гложет догадка, колесики в голове начинают крутиться. *Что-то зеленое...*

Наварре орет, погнавшись за ней:

– Аро!

Они все бегут следом, однако девчонка поворачивает направо и быстро скрывается из виду.

– Твою мать! – беснуется Хьюго. – Аро!

– Багажник! – кричит Аксель, будто напоминая ему о чем-то.

Парни отправляются в ту же сторону пешком, и я наконец-то понимаю...

Она забрала машину Хьюго. Из «Ривертауна» Бунтарка уехала на «Джипе Чероки». Повернув голову, замечаю старый темно-синий внедорожник перед домом мистера Вудсона.

Девчонка взяла не ту машину.

Меня охватывает чувство вины – *она воспользовалась ближайшим средством для спасения*, – а через секунду озаряет. *Зеленое...*

– Черт, – шепчу я.

Из ее кармана свисала лента. Потрепанная. Зеленая. Лента.

Я поворачиваюсь к Кейду, указывая на его пикап.

– Едем!

Мы бежим к машине – Столи и Дирк следуют за нами, – все запрыгиваем в кабину.

Включив зажигание, срываюсь с места, сворачиваю за угол и выпаливаю:

– Она забрала талисман Джареда.

– Отпечаток большого пальца? – спрашивает Кейд.

– Он лежал в комнате Дилан. – Выжимаю газ по полной, не заботясь о возможных штрафах. – «Бунтари» были бы рады заполучить этот гребаный трофей.

Отпечаток большого пальца принадлежит маме моей кузины. Она сделала его в детстве. Он особенный и является

важной частью истории Джареда и Тэйт. Дядя всегда носил этот кулон, участвуя в гонках, а в прошлом году подарил его Дилан, чтобы ей тоже сопутствовала удача на треке. Несмотря на стоимость в пять центов, он – самая ценная реликвия нашей семьи.

– Проклятье! – Обогнав другую машину, ускоряюсь еще больше. Хьюго с компанией появляются впереди. Я пролетаю мимо, наблюдая за ними в зеркало заднего вида.

– Ее нигде не видно. – Часто дыша, всматриваюсь вдаль.

– Это всего лишь кусок глины, Хоук, – говорит Столи.

– И единственное, чем дорожит Джаред, помимо своей семьи, – парирует Кейд, после чего переводит взгляд на меня. – Не упusti девочку. Я хочу забрать кулон из ее грязных воровских рук.

Куда она, черт побери, делась? Преодолев очередной поворот, гоню по пустой улице, смотрю по сторонам. Вдруг в глаза бросается отблеск фар. Резко повернув голову, вижу, как в парк въезжает машина.

Задние фары не похожи на «Мерседес», но я узнаю этот автомобиль и ударяю по тормозам. Визг шин разносится во круг.

– Уф, прощай, слой резины на десять долларов, – ворчит Кейд.

Я сдаю назад, разворачиваюсь, вновь даю на газ и въезжаю в «Игл Пойнт». Свернув, поднимаюсь вверх по дорожке. Впереди лежит поваленный сетчатый забор – этот вход

был предназначен только для пеших посетителей.

Это Бунтарка сделала? Она добивается ареста?

Я еду дальше – сетка скрипит под колесами – и оглядываю территорию в поисках каких-либо признаков присутствия Аро. Ландшафт украшен столиками для пикника, детскими площадками, здесь также есть павильон, амфитеатр и...

Посмотрев налево, замечаю «Мерседес», стоящий у края гряды высотой примерно метра три, откуда открывается вид на рыбный пруд. Водительская дверь распахнута.

Я спешу туда.

– Где она? – произносит Кейд.

Подъехав к машине, не глушу двигатель и выпрыгиваю из салона.

– Не знаю.

Я подхожу к обрыву, смотрю вниз. Родители Дилан поженились здесь. Это небольшой искусственный водоем, окруженный каменной террасой и скалистыми стенами. Подо мной плещется маленький водопад, ручейком стекающий в пруд. При солнечном свете вода сине-зеленая, но сейчас кажется черной.

Где она, черт возьми?

Вернувшись к «Мерседесу», обыскиваю машину, только девушки и след простыл.

Багажник.

Про него говорил Аксель. Он беспокоился о том, что в багажнике. Открываю крышку и заглядываю внутрь. В глубине

бок о бок стоят две черные спортивные сумки.

Я достаю одну, расстегиваю молнию.

На дне лежат пачки денег в герметичных пакетах, сверху – два больших красных брикета кокса.

Сукин сын.

Кейд тоже смотрит внутрь.

– Это...?

– Ага.

– В Шелбурн-Фоллз? – восклицает он.

Я качаю головой. Кейд не обращает внимания на то, чего не хочет видеть, включая тот факт, что у нашего милого городка есть темная сторона.

Выдернув вторую сумку, тоже нахожу деньги.

На наличку мне плевать, но если эти наркотики принадлежат тому, о ком я думаю, сдавать их копам бесполезно. Внутри все сжимается. Я знаю, как бы поступил мой отец. Особенно после того, что случилось несколько лет назад.

Это дерьмо лишь вредит людям.

Взяв пакеты с кокаином, спускаюсь с небольшого холма, достаю из кармана свой перочинный нож.

Кейд преграждает мне путь.

– Хоук, что ты делаешь?

– Отойди.

Не дожидаясь, когда кузен сдвинется, обхожу его и обнажаю лезвие.

– Хоук!

Я останавливаюсь у забора, который отделяет нас от утеса, возвышающегося на тридцать метров над рекой с баржами, плотиной. А на противоположном берегу расположен Уэстон.

Разрезаю ножом упаковку. Белый порошок взмывает в воздух. Задержав дыхание, я высыпаю это гребаное дерьмо над пропастью. Ветер подхватывает облако кокса; пролетая над верхушками деревьев, оно уносится на юг.

– Нет! – доносится сзади девичий вопль и топот.

Однако второй брикет уже разорван, и я вытряхиваю его содержимое.

– Черт! – выкрикивает Аро. – Остановись!

Развернувшись кругом, выбрасываю оба пакета, хватаю девушку за ворот и кричу Кейду:

– Уходи! Бери парней, и сейчас же уходите!

– Хоук...

– Просто уезжай! Не отходи от Дилан. Я поеду сразу за вами.

Он колеблется, похоже, хочет возразить, но затем убегает. Столи и Дирк следуют за ним.

Я обхватываю Аро обеими руками, оттесняю назад к дереву.

– Мне крышка, – бормочет Бунтарка. – Что ты наделал?

Потянувшись к ее карману, достаю амулет и поднимаю его.

– Это все, что мне было нужно.

Девушка ударяет кулаками по моей груди, оскалившись.
– Не трогай меня.

Я едва сдерживаю смех, потому что ни разу даже не подумал прикоснуться к ней так, как она подразумевает.

Хотя это не смешно. В ситуации, в которую она попала, нет ничего смешного.

– Тебе не стоит возвращаться к ним. – Убрав кулон в карман, встречаюсь с ней взглядом. – Найди себе настоящую работу и пересмотри свои дружеские отношения, дорогуша. Всего хорошего.

Я оборачиваюсь, собираясь уйти, но замираю, увидев офицера Ривза.

Дерьмо.

Он подходит к нам. Без униформы, один.

Буквально ощущаю присутствие Аро сбоку. Ноги внезапно будто свинцом наливаются.

– Ты в порядке? – спрашивает коп у меня.

Я сжимаю челюсти. За спиной мужчины его «Челленджер» стоит на холостом ходу с выключенными фарами. Он тянется к своей кожаной куртке. Ривз сейчас не при исполнении. Жаль. С ним больше проблем, когда он не на службе.

– Мисс Маркес. – Офицер кивает. – Какой беспорядок вы устроили. Вооружены сегодня?

Бросаю взгляд на Аро, однако она смотрит на копа, не отвечая. В ее глазах снова появляется страх. Совсем немного, но он есть.

Именно машину Ривза я видел въезжающей в парк и последовал за ним, потому что он, вероятно, тоже ее искал. Наверняка Хьюго позвонил ему, ведь Наварре не главный. Не самый главный.

Мне давно известно о связи Ривза с Грин Стрит. О том, кто на самом деле ими управляет.

– Ты можешь идти домой. Твои родители будут волноваться из-за всей этой суматохи. Дальше я сам разберусь. – Ривз подходит ближе. – Передавай привет своей маме.

Я вижу Бунтарку краем глаза и понимаю...

Наказание за случившееся понесет она. Не знаю, о чем я только думал.

– Я должен пойти с вами, – говорю наконец. – Дать показания. Я выбросил наркотики, которые нашел.

Ривз останавливается, его взгляд ожесточается.

– Ты уничтожил улики?

Улики. Хочется рассмеяться. *Нет, я только что стоил тебе нескольких тысяч долларов.*

Однако я просто отвечаю:

– Да, сэр.

– Нет, – выпаливает Аро. – Нет. Он просто геройствует. Это сделала я.

Я смотрю на нее. Почему она лжет? Ривз избьет ее. Или того хуже.

– Это... прискорбно, – произносит офицер тихим, до жути спокойным тоном.

Проклятье. Девчонка на самом деле пытается помочь? Он мне не угрожает. Все мои друзья знают, что я здесь. Меня хватятся, если я исчезну и окажусь в какой-нибудь безымянной могиле, а мой дядя – лучший юрист штата. Мне не грозят реальные проблемы.

Что Ривз сделает с ней?

– Хоук, ты можешь идти, – повторяет он.

Нет.

Коп подзывает Бунтарку к себе.

– Иди сюда, девочка.

Слышу, как дрожит ее дыхание, но она медленно проходит мимо, вздернув подбородок.

Мои мысли несутся с бешеной скоростью. Что-то не так. Он не задержит ее, а если задержит, то ему хватит времени сделать с ней все что угодно. Никто не верит ребятам вроде нее.

Как и моему отцу в ее возрасте.

Я ухожу, оставляя Аро позади. С осознанием, что ничего не способен сделать. Я мог бы вызвать еще один наряд полиции. Проследить за тем, чтобы девчонка не осталась с копом наедине.

Но потом Ривз посадит ее в следственный изолятор, где Бунтарка окажется в его полном распоряжении.

С другой стороны, если ее отпустят, она станет мишенью.

Так уж бывает. Дерьмо случается каждый день, по всей планете, и продолжит случаться. Люди вроде Аро будут и

дальше принимать неправильные решения, и их всегда будут использовать. Такова жизнь.

Все-таки Бунтарка сама виновата. Она ограбила нас, угнала машину своего босса. Она по собственной воле попала в эту ситуацию. Она просто ходячая катастрофа.

И она взяла вину на себя. *Глупая девчонка.*

Миновав машину Ривза, действую, пока не одумался. Я открываю дверцу «Челленджера», сажусь за руль, отгоняя панику из-за того, что намеревался сделать. Включив передачу, смотрю вперед и вижу их. Ривз ласкает рукой лицо девушки, затем, запустив пальцы под лыжную шапку, сжимает ее волосы в кулаке.

Она вздрагивает, и я включаю фары.

Ривз оборачивается, обнаруживает меня в своей машине.

Жму на газ. Я не позволю какой-то оборванке из Уэстона взять мою вину на себя, даже если во всех остальных сегодняшних происшествиях виновата она. Более того, не позволю Ривзу использовать детей для заработка денег.

– Хоук! – кричит коп.

Сорвавшись с места, тараню «Мерседес». Он накреняется, катится по склону к пруду и разбивается. Со всеми его гребаными деньгами в багажнике. Отпустив девчонку, Ривз подбегает, бьет кулаком по капоту собственной тачки.

Я останавливаюсь, открываю дверь, выхожу и говорю Бунтарке:

– Беги!

Тяжело дыша, она смотрит на меня своими темными глазами.

– Учти, я помогаю тебе в последний раз, – рычу на нее. – Проваливай отсюда!

Мне удастся выкарабкаться из этого бардака, ей – нет.

Аро на нетвердых ногах отступает в сторону, словно еще не обрела равновесие, после чего бежит – ее волосы развеваются за спиной – и растворяется в ночи.

Пожалуйста! Только я не произношу этого вслух. Понятия не имею, каким образом сложится ее будущее, но, по крайней мере, сегодня она получила крошечный шанс.

Ривз бросается в погоню за девчонкой. Обогнув машину сзади, валю его на землю.

– Мелкий говнюк! – огрызается он.

Я сдаюсь, подняв руки вверх. Правда, коп встает, хватается меня за голову и толкает вниз.

Мы кубарем катимся по склону, падаем на камни. Высвободившись из его хватки, пячусь назад.

– Прямо как твой гребаный отец. – Ривз наступает. – Вечно мешаетесь под ногами.

Я стискиваю зубы, когда он набрасывается на меня с кулаками, однако его нога застает меня врасплох. От пинка падаю в пруд. Поймав ртом воздух, ухожу под воду, но тут неглубоко, поэтому я нахожу опору и всплываю.

Едва успеваю распахнуть глаза, а коп уже рядом. Схватив за волосы, он окунает меня обратно. Какого хрена?

Мой рот открывается, перед лицом мельтешат пузыри. Единственное, что слышу под водой, – свой приглушенный крик. Я хватаюсь за руку копа в попытке вырваться. Как раз в тот момент, когда собираюсь утянуть Ривза за собой, он отпускает меня. Всплыв на поверхность, делаю глубокий вдох и отплеываюсь.

Какого черта?

Я протираю глаза, поднимаю голову и вижу стоящую надо мной Бунтарку. Ривз лежит на земле, держась за кровоточащее ухо, и пытается отползти от нее.

У Аро в кулаке камень. На секунду я оцепеневаю. Она не сбежала.

Глупая девчонка.

– Ты труп, – заявляет ей коп почти шепотом.

Вылезаю из пруда. Она смотрит на меня, я на нее.

Затем мы медленно отдаляемся друг от друга. Девушка бросает камень и бежит вправо, а я, глянув на Ривза в последний раз, устремляюсь влево.

– Стойте! – орет он нам вслед.

Только каждый из нас уходит своим путем. Теперь мы оба в дерьмовом положении. Мне просто нужна секунда, чтобы сообразить, что делать дальше.

Я спрыгиваю с валунов, мчусь через парк и выхожу через главный вход, направляясь в единственное место, где могу быть уверенным в своей безопасности. Мне нужно перевести дух. Подумать.

Твою мать! Что, черт побери, случилось? Что я натворил? Все произошло так быстро.

Я ударил полицейского. Уничтожил его собственность. Даже если семья сможет обеспечить мне защиту от него, они не уберегут меня от Грин Стрит.

И девчонка не жалец, несмотря ни на что.

Сняв мокрую футболку, засовываю ее в задний карман шортов и внимательно осматриваюсь по сторонам, пока пересекаю Хай-стрит.

Протягиваю руку вверх, опускаю пожарную лестницу, взбираюсь на крышу, после чего иду к двери в потолке, которая находится между пекарней Куинн и «Ривертауном». Я был здесь всего час назад.

Замерев, пытаюсь успокоиться. Тут я вне опасности. Всю крышу этого ряда предприятий закрывают кроны деревьев. Я вдыхаю и выдыхаю; мысли бешено носятся в моей голове.

Все в порядке. Мне пришлось это сделать.

А может, и нет. Возможно, был другой путь.

В любом случае со мной все будет хорошо. Я справлюсь. Во всем разберусь. Когда расскажу им о Ривзе, он сдаст своих лакеев. Их арестуют, и Грин Стрит перестанет существовать. Мне не придется жить в постоянном страхе.

Я могу выиграть время и решить эту проблему.

В ночи вспыхивают красно-синие огни. Подойдя к краю крыши, смотрю вниз. Полицейские машины летят по Хай-стрит. Ривз, вероятно, понял, что у него нет другого выбо-

ра, кроме как рапортовать о нашем происшествии. Теперь он будет вынужден контролировать ход событий.

В следующую секунду вижу ее. Бунтарка бежит по тротуару. На дороге появляется еще несколько патрульных машин; они вот-вот ее догонят.

Спотыкаясь, девушка сворачивает в переулок. Я следую за ней по крыше. Ей тяжело. Даже отсюда слышно ее дыхание.

Подняв глаза, замечаю, что копы сбавляют скорость по мере приближения к той улице, где скрылась Аро.

Они видели ее.

Девчонка скоро сдастся. Она больше не в силах бежать.

Еще немного, и ее схватят.

Глава 3

Аро

– Я пока не умерла. – Судорожно втягиваю воздух. – Пока нет.

Понимая, что зря трачу время, дергаю каждую дверь в переулке. Уже поздно. Везде закрыто.

Вдруг одна поддается, и я даже не задаюсь вопросом почему. Быстро проскользнув внутрь, ищу замок, чтобы полицейские не смогли войти, однако здесь темно. Мои пальцы нащупывают только засов.

Черт. Я подавляю страх, тяжело дыша. Отступая от двери, прекрасно осознаю – они ее откроют. Точно откроют. Вряд ли копы видели, куда я пошла, но они догадаются. Вот и все.

Мэтти. Бьянка. Они останутся совершенно незащитными перед жестокостью окружающего мира, а меня не будет рядом.

– Проверьте все двери! – слышу приглушенный крик.

Делаю резкий вдох. Они прямо за дверью. Пошатнувшись назад, натыкаюсь на что-то. Ножки стола со скрипом проезжают по полу.

Я оборачиваюсь и вижу, что нахожусь на какой-то кухне, как раз когда полицейский выкрикивает:

– Сюда!

Нет.

Обогнув стальной стол, бегу мимо печей, расположенных вдоль стены. В воздухе витает остаточный запах вишни и сахара. Через двустороннюю дверь врываюсь в магазин с кофемашинами, витриной и прилавком, под которым сложены тарелки, чашки и другая посуда.

«Глазурь». Я замечаю название пекарни на бумажном меню, лежащем у кассы.

Остановившись перед входной дверью, дергаю ее, но она не открывается. После этого бросаюсь к окнам, лавируя между круглыми столиками. На мгновение колеблюсь, прикидывая, стоит ли разбить стулом стекло. Внезапно снаружи вспыхивают фары – по улице едет патрульная машина. Я разворачиваюсь кругом и прячусь за стеной между окнами.

– Проклятье, – цежу сквозь зубы.

Дверь черного хода захлопывается, слышится громкий окрик:

– Тебе некуда идти!

Спотыкаясь, отступаю в сторону. Мой взгляд прикован к двусторонней двери. Трясу головой, глаза щиплет.

– Мы сейчас войдем! – предупреждает мужчина. – Подними руки над головой! Скажи «хорошо», если поняла.

Я пячусь, врезаюсь в стену, однако мои ладони прижимаются к более гладкой поверхности. К чему-то холодному.

Доносится шорох шагов полицейских. Стены будто сдвигаются. Выхода нет. Опустив голову, понимаю – Хьюго ока-

зался прав. Это был лишь вопрос времени.

Дверные петли скрипят, копы уже на подходе. Приготовившись, зажмуриваюсь.

Но потом... сердце уходит в пятки – распахнув глаза, я падаю назад.

Что?

Я всхлипываю. Чья-то ладонь закрывает мне рот, рука обвивает талию, и меня тянут назад именно в тот момент, когда дверь кухни открывается.

Какого черта?

Мы останавливаемся, наши тела соприкасаются. Проход передо мной закрывается, и я наблюдаю за вошедшими в кафе копами. Они освещают помещение фонариками.

Нет. Пытаюсь вырваться, но меня крепко держат.

– Ш-ш-ш-ш... – шипит неизвестный мне на ухо.

Офицеры подходят к внешней стороне окна. Я дергаюсь, желая убежать, потому что меня увидят. Рука на моей талии сжимается еще сильнее.

– Не двигайся, – тихо произносит мужской голос.

Лучи фонариков мечутся по магазину – вокруг, над нами. Правда, обыскивая каждый угол, полицейские все равно проходят мимо, на нас внимания не обращают.

Они не видят?

Вспоминаю, что справа висело большое зеркало в позолоченной раме, когда я вбежала сюда. На секунду перестаю дышать. Один из копов останавливается буквально в двух ша-

гах передо мной и светит на стекло.

Он что-то видит. Я трясусь.

Затем и сама замечаю. Кровь. На зеркале осталась моя кровь. Когда я успела пораниться? Пытаюсь мысленно провести анализ своего тела, но бешеный пульс мешает сосредоточиться.

Незнакомец убирает руку от моего рта. По-прежнему ожидая, что полицейский обнаружит нас, не шевелюсь.

Его дыхание затуманивает стекло, пока он изучает пятно, подтверждающее их подозрения – я была здесь. И исчезла.

Офицер отходит, после чего вместе со своими коллегами возвращается на кухню, чтобы продолжить поиски в другом месте.

Меня отпускают окончательно. Я быстро поворачиваю голову и встречаюсь взглядом с сердитым Хоукеном Трентом.

– Потрясающе, – ворчит он. – Что, черт возьми, мне теперь с тобой делать?

Можно подумать, проблема лишь во мне. Словно его действия, наряду с моими, не стали стопроцентной причиной обострения ситуации, произошедшей сегодня ночью.

Развернувшись, парень идет прочь по длинному коридору. Там слишком темно, поэтому оценить его протяженность или понять, где я нахожусь, не получается. Ориентируясь на белую футболку Хоука, следую за ним, пока он не пропал из виду.

– Что это за место? Как мне выбраться?

Трент ничего не отвечает. Я не отстаю от него, все дальше углубляясь в черную пустоту. В итоге мы добираемся до короткой лестницы, ведущей вниз, где маленькая кованая люстра хоть как-то освещает пространство.

– Как мне выбраться? – выкрикиваю, догоняя его.

Я отделалась от копов, а теперь хочу уйти.

– И куда ты пойдешь?

Мы спускаемся по лестнице. Хоук сворачивает направо, в комнату без окон, с бетонными стенами и множеством мониторов, установленных над столом. На экранах транслируются записи с камер наблюдения: перекрестки дорог, билетная касса их кинотеатра, дорожки в боулинге. «Ривертаун».

– Ты только что потеряла... сколько? – бросает он с вызовом. – Восемьдесят, может, девяносто тысяч, судя по содержанию тех сумок, не считая трех десятков пачек порошка, спрятанных под деньгами. – Хоук садится за стол, смотрит на мониторы. – Если Грин Стрит не доберутся до тебя первыми, это сделает тот коп, ведь, осмелюсь предположить, сумки принадлежали ему. За твоим домом наверняка уже организовали слежку.

– Думаешь, я буду сидеть здесь и ждать, пока ты не сдашь меня копам? Или используешь для всякой фигни, которую задумал *Pinche gringo pervertido pedazo de mierda*³...

Глянув на меня, Хоукен печатает, вводя в программу какой-то код.

³ Ничтожный гринго-извращенец, кусок дерьма (*исп.*).

– Вверх по лестнице. На крышу. Там есть пожарная лестница. – Оттолкнув клавиатуру, он отодвигает стул на колесах, встает, протягивает руку за жестким диском и выдергивает шнуры. – Пока.

Не ожидала, что Трент позволит мне уйти. Тогда на кой черт он вообще меня схватил? Замешкавшись всего на мгновение, разворачиваюсь, выхожу из комнаты, избегаю обратно по лестнице, однако, вместо того, чтобы вернуться в темный коридор, поворачиваю направо. В конце тоннеля виднеется слабый свет. Я иду туда. Оказавшись в большой комнате, замираю на месте. Челюсть слегка отвисает.

Иисусе. Запрокинув голову, пялюсь на высокий потолок. Сквозь окна видно ночное небо. Вокруг расставлены диваны, телевизор, висят несколько люстр в индустриальном стиле. В задней части помещения расположена кухня. Гарнитур и техника делают ее пригодной для длительного проживания. Еще замечаю винтовую лестницу, ведущую к двери в потолке.

Я бросаюсь к ней, хватаясь за перила, поднимаюсь наверх. Из-за тесноты приходится горбиться. Навалившись всем весом на люк, приподнимаю его. Свежий вечерний ветерок ласкает мое лицо. У противоположного конца крыши вырываются кроны деревьев, растущих вдоль Хай-стрит.

Подталкиваю дверь, чтобы полностью ее открыть, но потом останавливаюсь.

Куда я пойду? А что, если захочу вернуться?

Открывается ли зеркало снаружи?

Снова закрыв люк, спускаюсь по лестнице.

На полпути делаю остановку, размышляя. Хоук отпустил меня. Он не представляет угрозы.

По крайней мере, пока.

Хотя он прав. За мной будет охотиться не только полиция. Если попадусь, стану бесполезной для Мэтти и Бьянки. Сейчас, возможно, у меня еще есть шанс.

Двинувшись дальше, бросаю взгляд на кирпичную стену слева, напротив диванов, и вижу слова, написанные крупными белыми буквами. Краске, похоже, лет сто. Понятия не имею, какой это язык. Мне плевать.

Я нахожу богатея в комнате наблюдения, или как там он ее называет. Не знаю, почему он помог мне, однако уверена – не только потому, что так захотел.

– На тебя выпишут ордер, – говорю, глядя ему в спину, пока Хоук работает. – Но, в отличие от меня, ты можешь просто позвонить маме с папой. Тренты владеют этим городом, не правда ли?

Имена его отца и дядюшек повсюду. На рекламных щитах, предприятиях, в газетах...

– Грин Стрит не станет тебя преследовать, – отмечаю я, – особенно, если ты сможешь опознать Ривза. То есть меня посадят, но с тобой все будет в порядке.

Хоук упорно не оборачивается. Сунув руки в карманы куртки, пристально смотрю на него.

Я видела его много раз. Сомневаюсь, что до нынешнего вечера сама оказывалась в поле его зрения. Трент обратил бы внимание на кого-то вроде меня, лишь заказывая карамельный фраппучино.

– Отдай мне мой телефон. – Подхожу ближе.

– Отдай мне мой бумажник.

В голове всплывает образ того, как вещь падает в пруд. Наверное, Хоук это видел, потому и знает, что у меня его нет.

– Можешь спать на диване. – Трент проверяет мониторы, скорее всего, в поисках полиции. – На кухне есть еда. Если уйдешь, без моей помощи вернуться не сможешь. Никому не рассказывай об этом месте и не путайся под ногами.

Он выходит из комнаты, ни разу на меня не взглянув.

На столе лежит фонарик. Взяв его, возвращаюсь назад тем же путем, каким мы сюда пришли. Вновь поднимаюсь по лестнице в длинный коридор. Теперь маршрут виден более четко. Пол в тоннеле бетонный, стены тоже, но покрашены в черный цвет, потолок закруглен в форме арки, а вдоль стен тянутся провода, которые ответвляются вверх к лампам, развешенным через каждые двадцать шагов.

Я подхожу к portalу, смотрю сквозь двустороннее зеркало. В пекарне по-прежнему пусто и темно. Давлю на стекло, однако оно не поддается. Осветив раму фонариком, начинаю ощупывать ее. В итоге натыкаюсь на защелку. Когда нажимаю, зеркало с тихим щелчком открывается внутрь.

Вот каким образом Хоук спас меня. Едва вспоминаю ощу-

щения от падения, желудок словно проваливается куда-то. Я выхожу в кафе, опять окидываю помещение взглядом и пробегаюсь лучом света по обстановке, убеждаясь, что тут действительно никого. Периодически поглядываю в окна, чтобы не упустить какое-либо движение.

Проводя пальцами по витиеватой золотой раме, изучаю внешнюю сторону зеркала, ищу рычаги, но ощущаю лишь ровные линии, не оставляющие зазора между зеркалом и стеной. Сколько людей знают об этом месте? Есть ли другие входы в убежище?

Я натягиваю рукав на руку, вытираю с зеркала свою кровь. Вдруг в витрине магазинчика напротив отражается свет фар. Нырнув обратно через потайной ход, захлопываю зеркальную дверь. Похоже, Трент не соврал. Очевидного входа снаружи нет. Должно быть, этот парень пробирается сюда по крыше, но тогда возникают вопросы... Хоук единственный, кто знает о существовании этого помещения? Откуда он изначально узнал, что оно здесь есть? Это часть пекарни, которой владеет его семья?

Пробежав по коридору, возвращаюсь в большую комнату – за окнами видно ночное небо, усеянное звездами. Хотя она и просторная, зато узкая, вытянута в длину, а не в ширину между пекарней и «Ривертауном». К этому месту не ведет ни подъездная дорожка, ни переулок, однако с улицы его заметить можно. К сожалению, большинство людей с их нетренированными глазами просто предположило бы, что окна при-

надлежат одному из соседних заведений.

Я вновь взбираюсь по винтовой лестнице, выхожу наружу через люк в потолке, выключаю фонарик и осматриваю пустое пространство. Крыша здания объединена с другими.

Пожарная лестница. Вот, о чем он говорил. Металлическая конструкция прикреплена к стене.

Деревья, часто посаженные вдоль тротуара на Хай-стрит, создают укрытие от тех, кто мог бы увидеть меня с высоты. Выглянув из-за края крыши, обнаруживаю, что тротуар отлично просматривается. Хорошая точка. Мне открывается вид на всех, кто мог бы находиться внизу. А они меня разглядеть не сумеют.

Напоследок осматриваюсь по сторонам еще раз, спускаюсь обратно в убежище и закрываю люк.

У меня нет телефона. Нужно его достать. Максимально тихо возвращаюсь в комнату наблюдения. На одном из мониторов замечаю Золотого мальчика. Похоже, он установил камеры и в комнатах.

Трент прыгает на скакалке. Как мило. Мы подались в бега, спасая свои жизни, а наш спортсмен добивается внутреннего спокойствия с помощью эндорфинов и зеленого чая.

Он без футболки. Мой взгляд на секунду задерживается на экране, после чего я, наконец, отвожу глаза, отчасти желая, чтобы изображение было более четким.

Воспользовавшись мышкой, загружаю интернет-браузер, открываю свой аккаунт и набираю сообщение для Хьюго.

На нескольких мониторах изредка мелькают автомобили, городская суeta затихает. Внезапно на Хай-стрит сворачивает патрульная машина. Я задерживаю дыхание. Она медленно проезжает мимо пекарни, затем «Ривертауна», не останавливаясь.

«Не дай ему причинить вред кому бы то ни было», – пишу Хьюго.

Ривз так или иначе получит свои деньги. Возможно, он не станет тягаться с высокопоставленной семьей Хоука, а вот с моей – запросто.

«Я никогда ни о чем тебя не просила. Я верну деньги».

«Знаю, что вернешь».

«Отчаяние порождает мотивацию, верно?» – напоминаю ему фразу, которую он сказал мне много лет назад.

«Но достаточно ли ты отчаялась?» – спрашивает Хьюго.

Смотрю на его слова, понимая подразумеваемую угрозу.

«Не тронь их».

«Я никогда не причиню им вреда, Аро. Возвращайся домой».

Я стою, склонившись над столом. Пальцы зависли над клавиатурой. Ненавижу такие ситуации. Однако именно в этом я хороша. Передо мной никогда не стоял простой выбор: поступить правильно или неправильно. Я просто нахожу вариант, который оставляет наибольшее количество возможностей и минимум последствий.

Если вернуться, с Ривзом есть два вероятных исхода. Пуля или постель.

«Ты только оттягиваешь неизбежное, — пишет Хьюго, когда я не отвечаю. — Избавь себя от страданий, детка».

Пусть хоть пуля, хоть постель, мои брат и сестра будут в большей безопасности, чем сейчас. Я должна вернуться.

Выйдя из аккаунта, закрываю программу и пячусь назад, будто Хьюго в любой момент может протянуть руку через монитор и поймать меня.

Зачем я все это сделала? Почему Хоукен Трент помог мне? Дважды? И почему я помогла ему? Нужно было оставить его Ривзу с парнями.

Опускаю взгляд. Голова идет кругом. На столе лежит куча барахла. Я неторопливо его рассматриваю.

Пара фальшивых удостоверений личности с фотографией Трента. Газетные вырезки с фотками его папы и дядюшек, его красивой семьи, улыбающейся на открытии гоночного трека, за ужином в ресторане или за игрой в гольф. Стопка брошюр колледжей. Уйма компьютерного оборудования и электроники, книг и руководств. Информация, амбиции и возможности льются с каждой полки, из каждого ящика.

Он умен. Образован. Богат. Со связями.

Хоук не нуждался в моей помощи. Через пару недель он начнет учебу в колледже, а я буду стоять только тех денег, которые Хьюго и Ривзу удастся на мне заработать. Я умру через пять лет, а Трент будет кататься на лыжах.

Звук, похожий на пение, прорывается сквозь пелену моих мыслей. Подняв глаза, улавливаю движение на мониторах. Два силуэта приближаются к двери на крыше, еще двое перелезают на карниз с пожарной лестницы и идут сюда. Мой пульс учащается.

Они все останавливаются, что-то разглядывая. Я беру мышку и, захватив одно из лиц, увеличиваю масштаб.

– Ты ведь в курсе, что тебе теперь не уйти, да, Бунтарка? – произносит парень. Это Кейд Карутерс.

Он улыбается. Один за другим непрошенные гости спускаются в убежище.

Не уйти? Что? Люк закрывается. Судорожно втянув воздух, понимаю – они внутри, а потом...

В глубине стен раздаются два щелчка, эхом разносящиеся вокруг. Я перевожу взгляд обратно на экран и вижу красную рамку с надписью «Полная блокировка» в нижней части центрального монитора.

Взбежав вверх по лестнице, поворачиваю налево и мчусь по коридору к зеркалу, зная, что столкнусь с парнями, если пойду в другую сторону. Хватаюсь за защелку сверху и нажимаю на нее, однако ничего не происходит. Ни замок, ни зеркало не двигаются.

Я нажимаю еще раз. Никакой реакции.

Позади меня раздается смех. Не менее пяти Пиратов заперто вместе со мной в этом укрытии.

Прижимаюсь спиной к холодной бетонной стене.

Нужно было уходить, пока оставалась такая возможность.

Глава 4

Хоук

– С чьего телефона ты звонишь? – спрашивает папа.

– Со своего.

– У тебя есть телефон, о котором я не знаю?

Я сдерживаю улыбку, вытираю полотенцем пот с шеи и бросаю его в бак.

– Конечно, у меня есть телефон, о котором ты не знаешь. Джексон Трент не возвращает идиотов.

– Я могу отследить его, – говорит он.

– Можешь, но ты меня не найдешь.

Слышу выдох на другом конце линии и представляю, как отец качает головой – он постоянно так делает, когда понимает, что яблоко недалеко от яблони упало. Не сказал бы, что я умнее его, отнюдь, однако любое решение проблемы, которое я нахожу, имеет наименьшее количество переменных. Папа другой. Он любит переменные. Любит сюрпризы. В отличие от меня.

– Возвращайся домой. – Его голос звучит тверже и настойчивее. – Проклятье, Хоук. Ты ударил полицейского.

– Я могу объяснить.

– Запись попала в интернет! – рывкает он. – Люди придумывают свои объяснения. Уже слишком поздно.

Знаю. Я также знаю, что отец прав. Чем дольше я прячусь, тем хуже это выглядит. Только не говорю ему, что собственное спасение – не единственный мой интерес. В этом городе живут мои двоюродные братья и сестры. Маленьким детям, когда они пойдут в школу, придется столкнуться с тем дерьмом, которым Ривз потихоньку снабжает вечеринки у басейнов, скейт-парк, футбольных мамочек. Папа с Мэдоком могут посодействовать, и я, возможно, позволю им помочь, но сейчас я не готов принять такое решение. До тех пор, пока не пойму, как действовать дальше.

– Со мной все в порядке, – уверяю его. – Я в безопасности.

– Твоя мама места себе не находит.

Они, наверное, уже вернулись из Чикаго. Уверен, родители помчались домой, едва услышав о случившемся.

Чувство вины, которое я, вероятно, должен был испытать во время разговора с отцом, наконец-то начинает терзать меня при упоминании мамы. Она никогда не давала поводов для того, чтобы во мне зародился инстинкт защищать ее, однако он всегда срабатывает.

– Я в Шелбурн-Фоллз, – сообщаю, зная, что папа передаст ей, – и не собираюсь уезжать. Но домой не вернусь. До Ночи вражды. Мне нужно время. А после сам сдамся.

Через восемь дней.

На мгновение отец замолкает. Из коридора доносятся голоса. Повернув голову, наблюдаю за дверью спортзала.

– Одно решение может изменить твою жизнь, Хоук.

Он воспитал меня так, чтобы я руководствовался этой мыслью во всех своих поступках.

– Что мне сказать полиции, когда они придут тебя искать? – интересуется папа. В тот же момент Дилан, Кейд, Столи и Дирк врываются в зал.

– Минуты через две, имеешь в виду? – поддразниваю я.

Дом – это первое место, куда наведаются копы.

– Просто скажи им правду, – отвечаю, отвернувшись от своих друзей и кузенов. – Ты говорил со мной. Я в городе. Где именно – тебе неизвестно.

Ему даже лгать не придется.

– А девушка? Кто она?

Снова оглядываюсь. В комнату входит Бунтарка. Она выглядит взбешенной. Отец видел ее на видео? Сколько записей утекло в сеть? Господи. Нужно вернуться к мониторам и провести более глубокую проверку.

– Никто.

Сбросив вызов, кладу телефон в карман, разворачиваюсь и беру бутылку воды.

– Я знал, что мне следовало сохранить это место в тайне, – ворчу, избегая зрительного контакта с Кейдом.

– Просто хотел удостовериться, что ты говорил серьезно. – Он бросает взгляд на девчонку. – Черт, о чем ты думал?

Сомневаюсь, что я вообще думал. Я написал им с Дилан эсэмэски, чтобы ввести их в курс дела. Естественно, они примчались сюда.

Девчонка приближается ко мне.

– Разблокируй двери.

Но я не обращаю на нее внимания. Посмотрев на Кейда, открываю свою воду.

– Я пока не знаю, в каких целях ее можно использовать, поэтому решил приберечь на черный день. Все равно я ничего не выбрасываю. Сам знаешь.

Смех эхом разносится по залу.

– Разблокируй двери. – Тон голоса Аро становится ниже, словно она пытается не заорать.

– Ну, теперь она здесь, – продолжает мой кузен, – и никуда не уйдет, пока угроза для тебя не минует. Можешь себе представить, какой кипиш она устроит, если ее отпустить? Они точно узнают, где тебя искать. Запри все замки и не выпускай ее.

– Разблокируй. Двери, – рычит Бунтарка.

– Боже... – Я морщусь. Ее голос раздражает. За раз я способен вытерпеть только одного из этих людей. – Ты лишь усугубляешь положение, знаешь? – обращаюсь к Кейду.

Разумеется, сегодня я действовал не самым лучшим образом, однако он всех провоцирует. Присутствие девчонки и Кейда в одном помещении просто выводит меня из себя.

– Разблокируй. Двери, – повторяет она.

Кузен подходит ближе.

– Никто не просил ее приезжать в наш город.

– Никто ее не приглашал, – добавляет Столи.

– В каком-то смысле я пригласила... – бормочет Дилан, и я вскидываю брови, потому что это гребаная правда.

Конечно, не она одна виновата. Так или иначе, уэстонское дерьмо всегда находит дорогу в Шелбурн-Фоллз.

– Ты поговорил с отцом? – спрашивает меня Кейд.

– А ты со своим?

То есть его папа – адвокат. Он может помочь разобраться с копом.

Но Кейд отвечает, поморщившись:

– Хочешь, чтобы я с ним поговорил? Я вроде как стараюсь стереть из его памяти, сколько от меня проблем.

– Алло! – кричит Аро. – Я с тобой разговариваю.

Перезову взгляд на нее и говорю:

– Сядь. – Затем вновь смотрю на кузена. – Я не хочу впускать наших родителей.

– Ты думаешь, они еще не подняли тревогу? – выкрикивает Кейд. – Я удивлен, что Джаред до сих пор не нацепил ей GPS-браслет на лодыжку.

Он указывает на Дилан, которая просто тихо смеется. Ее отец – единокровный брат моего папы. Отец Кейда – сводный брат наших с Дилан отцов. Технически – Дилан моя родня по крови, но Кейд для меня такой же кузен, хоть у нас и нет общей ДНК.

– Разблокируй двери.

– Ты принесла одежду? – спрашиваю у кузины.

Подняв небольшую сумку, она бросает ее мне.

Я расстегиваю молнию и обнаруживаю пару комплектов одежды, которую Дилан выбрала для Аро по моей просьбе. Не хочу, чтобы она искала предлог уйти.

– Можно подумать, она влезет в твои вещи, Дилан, – вклинивается в беседу Столи с ехидной ухмылкой, и я шикаю на него, чтобы заткнулся к чертовой матери. Мне незачем слушать сравнения размера груди моей сестры с грудью другой девчонки.

Однако Дилан быстро отвечает:

– А я думала, футбольные джерси делают универсального размера.

Кейд, Столи и Дирк взрываются хохотом.

– Неужто ты... – восклицает впечатленный Дирк.

Кузина пожимает плечами, правда, не может скрыть самодовольную улыбку, потому что принесла футболку «Пиратов» Бунтарке.

Качаю головой, периферическим зрением наблюдая за преступницей в черном одеянии.

– Иди и найди себе место для сна, – говорю, швырнув ей сумку.

– Ты будешь хорошо смотреться в наших цветах, – шутит Кейд.

– Черно-оранжевый пиратский трофей, детка! – зовет Дилан.

Столи бросается к ней, подхватывает на руки и высоко поднимает. Все смеются.

Не сдержавшись, я улыбаюсь. Глядя на свою двоюродную сестру, восхищаюсь тем, как она держит марку. Женщины в нашей семье невероятные. Ни одна из них не ждет приглашения. Потолок некоторых людей – это пол для Дилан.

– Под черным флагом мы плывем! – гордо кричит кузина, остальные ее подбадривают.

Внезапно что-то врежется мне в грудь, и я теряю равновесие. Сделав шаг назад, выпрямляюсь. Сумка, которую я только что передал Аро, приземляется у моих ног.

Моя улыбка сползает, веселье прекращается. Кейд направляется к Бунтарке.

– В чем дело?

Я протягиваю руку, останавливая его.

Смотрю на сумку. Вот и очередная перепалка подросла. Знал ведь, что это будет пустой тратой времени.

– Посмотри на меня, – произносит она.

А я ненавижу терять время зря.

– Я сказала, посмотри на меня, *hijo de tu puta madre*⁴.

Мое сердце пропускает удар, но я поднимаю глаза и смотрю на нее.

Бунтарка сняла капюшон; выбившиеся из-под шапки темно-каштановые волосы спадают на спину и грудь. На ее шее виднеется кровавый след. Я вздрагиваю. Не заметил этого раньше.

Хотя на зеркале была кровь. Наверное, в одежду впиталась.

⁴ Сукин сын (*исп.*).

лась.

Медленно двинувшись в мою сторону, Аро заявляет:

– Я нужна тебе, а ты мне – нет. Ты можешь потерять все, мне терять нечего. Все равно я окажусь в тюрьме через два года, не так ли? – Она склоняет голову набок. – Или в могиле?

– Или забеременеешь. – Едва слова срываются с моих губ, хочу забрать их обратно. Я...

Закрываю рот. Дилан переступает с ноги на ногу слева от меня. В зале настолько тихо, что сквозь стены слышен бой городских часов, расположенных одним этажом выше в двух кварталах к югу отсюда.

Аро молчит, только сильнее вздергивает подбородок, не сводя с меня глаз. Но мне хочется смотреть куда угодно, лишь бы не на нее.

– Я не то имел в виду, – мямлю.

– Нет, нет... – перебивает Бунтарка. – Придерживайся нарратива. Так намного проще.

Прищурившись, отвожу взгляд. Я не позволю ей перевести стрелки на меня. Бедность – не оправдание для того, чем занимается она или ее приятели. Аро может сама создавать возможности для себя. Мой отец так и сделал.

– Разблокируй двери, – снова повторяет она.

Я не шевелюсь.

Затем она кричит:

– Разблокируй двери!

И я выполняю требование. К черту все. Достав телефон, ввожу код. Раздается щелчок замков.

Развернувшись кругом, Бунтарка идет к выходу. На миг звук ее шагов затихает. Она поворачивает голову и смотрит на меня.

– Меня зовут Аро Маркес.

Встречаюсь с ней взглядом.

– Аро Тереза Маркес, – говорит она мне. – Может, через много лет ты меня не вспомнишь. Может, никто даже думать обо мне не захочет. Но я существовала, мать вашу.

Я оцепеневаю.

Девушка на мгновение удерживает зрительный контакт со мной, а потом уходит.

Остальные устремляют взоры на меня. Спустя несколько секунд слышу, как захлопывается люк.

– Хоук... – шепчет Дилан. – Какого черта?

Я не смотрю на кузину. Упрека в ее голосе достаточно, чтобы пристыдить меня.

Глава 5

Аро

Избыточная влага собирается в уголках глаз – я чувствую, как она смачивает мою кожу, – но моргаю еще пару раз, медленно, спокойно, и она исчезает. Глядя вверх, сквозь стальные перекладки пожарной лестницы, нахожу Вегу. От нее провожу прямую линию и определяю положение Арктура. Две самые яркие звезды этой ночи.

Я смотрю на них и на другую светящуюся точку в небе – Марс. Мы сможем наблюдать за ним каждую ночь до следующего понедельника, после чего его орбита снова скроется из виду.

Вспоминая фотографии, представляю дюны и скалы, простор и тишину. Хотя мне никогда не доведется лицезреть планету ближе, чем сейчас, ничего красивее в своей жизни точно не увижу. Это напоминание, что я – никчемная песчинка, не играющая никакой роли. Марс вращается миллиарды лет, наша Земля вращается миллиарды лет. Миллионы таких же, как я, приходили и уходили. Что бы я ни делала – Вселенной без разницы.

Мысль может показаться удручающей, хотя на самом деле это не так. С осознанием, что единственная моя забота – найти себе пропитание и понять, куда меня приведет сего-

дняшний день, живетсЯ легче.

Опять моргаю, проверяя, высохли ли слезы, и отталкиваюсь от наружной стены «Глазури». Я не помню, когда в последний раз плакала, однако сейчас была близка к этому впервые за долгое время.

Стрижка Хоука, запах его одежды, то, как она скроена – чуть лучше, чем у других парней, чтобы сидела идеально, – сразу понимаешь, с чего вдруг дизайнерам сходит с рук просить шестьдесят долларов за гребаную футболку...

Мне незнакома большая часть оборудования из комнаты наблюдения, я понятия не имею, как с ним работать. Хоук умный. И он говорит так, будто всегда был в центре внимания.

У него есть близкие люди, место в колледже, деньги в бу-мажнике. Он знает, что важен. Почему это так сильно меня гложет? Я знаю, какие они. Трент и его друзья не способны ранить мои чувства. Почему я ощущала себя такой ничтожной рядом с ними?

Мне было необходимо выбраться оттуда.

Я натягиваю капюшон, сую руки в карманы, сворачиваю за угол и бегу по переулку между «Ривертауном» и хозяйственным магазином. Добравшись до мусорного контейнера, распахиваю несколько коробок и ящиков – проверяю, не прячется ли тут до сих пор Томми.

Пусто. Надеюсь, она пошла домой и будет безвылазно сидеть там, потому что мне нельзя возвращаться в гараж.

Подхватив ящик, швыряю его на землю.

– Черт, – шепчу я. До меня наконец-то доходит вся тяжесть моей дилеммы. Трент прав. Мне некуда идти. Моя бывшая опекунша все еще разрешает ночевать у нее, пока плачу ренту, поскольку я уже достигла совершеннолетия и бросила школу несколько месяцев назад.

Только это первое место, где Хьюго будет меня искать.

Сопrotивляясь желанию пуститься в бег, опускаю голову и выхожу из переулкa на пустынный тротуар, потом юркаю на боковую улицу.

Я пересекаю парк; свернув к Оранж Хилл, вижу припаркованную перед домом машину с работающим двигателем.

Бросаю взгляд на вершину холма, замечаю движение сквозь матовые панели входной двери и подхожу ближе. В салоне никого. Гори оно огнем. У меня и так уже достаточно проблем, чтобы сесть на десяток лет. Еще одно правонарушение ничего не изменит.

Быстро открыв дверь BMW 2008 года выпуска, забираюсь внутрь и включаю первую передачу.

Нажимаю на газ, срываюсь с места, пока никто не вышел из того дома. Выжав сцепление, переключаюсь на вторую, затем на третью передачу, мчусь по улице, игнорируя дорожные знаки. Время позднее, вокруг ни души, а мне нужно выехать на шоссе, где я смогу ускориться. В жилых районах нет уличных камер, но в элитном городке типа Шелбурн-Фоллз все следят за порядком. Кто-нибудь увидит машину. Хотя

мои дни в любом случае сочтены. Мне нужно увидеться с ними в последний раз, прежде чем...

Я держусь левой полосы, соблюдая скоростной режим, проезжаю мимо магазинов, начальной школы, частных домов. Домов, где живут люди вроде Хоукена Трента, которые думают, будто знают, что такое настоящие проблемы.

Люди вроде его кузины Дилан, с ее черными кожаными кедами, в которых она была на нашей первой встрече. Это ее форма протеста против стандартных «Чаксов» или «Вэнсов», потому что она хочет добиться уважения за флер неформальности, одновременно не желая сильно выделяться среди сверстников.

Люди вроде Кейда Карутерса, которые в первые пять минут знакомства показывают вам все, что они собой представляют, и большего от них ждать не стоит.

Заглядывая в окна таких домов по обеим сторонам улицы, я понимаю, что мне там не место.

Однако...

Я бы хотела перед смертью увидеть Мэтти и Бьянку, спокойно спящими в одном из них. Мой взгляд задерживается на светло-голубом доме в викторианском стиле с темно-синими ставнями и крыльцом. Передний двор засажен деревьями. На ветке даже веревочные качели есть. Мэтти бы понравилось.

Выехав на темную проселочную дорогу, разгоняюсь до девяноста километров в час и быстро преодолеваю короткое

расстояние до Уэстона. Пусть мы живем неподалеку от Фоллз, но это совершенно разные миры.

Вместо того чтобы двинуться в сторону Чикаго, я поворачиваю направо, пересекаю мост через реку и еду дальше по лесной дороге, разбитой за годы запустения. На обочинах стоят дома вперемешку с трейлерами, изредка попадаются заправки или автомастерские.

Потом лес уступает место городу, впереди виднеются заводы, фабрики, старые склады, переделанные в квартиры. В темноте выглядит почти красиво. Старая кирпичная кладка. Фонари.

Я не знаю, что, черт побери, манит сюда Томми Дитрих, жаждущую скрасить свою жизнь, но единственное наше достояние – это сильная футбольная команда и хорошо сохранившаяся история. Будучи речным городом, мы стали одним из первых поселений пилигримов, пересекших плато Великие равнины. Многие старинные постройки дожили до наших дней в недурном состоянии. У нас есть характер. Просто нет денег, чтобы его поддерживать должным образом.

И все же... зимой детишки из Фоллз приезжают сюда, чтобы погонять на заледеневшем Утином пруду, когда их трек приходит в негодность из-за снега.

Свернув у кофейни, мчусь по улицам туда, где точно нет камер, и оставляю угнанную машину перед заброшенным домом.

Натягиваю рукав толстовки, вытираю руль, рычаг пере-

ключения передач, той же рукой открываю дверь, после чего протираю наружную ручку.

Двинувшись на юг, преодолеваю один квартал, потом поворачиваю налево и бегу вверх по холму к дому своей родной мамы. Ее машины нет на подъездной дорожке, но внутри горит свет. Меня в равной мере охватывают страх и облегчение. Плевать, кто дома. Лишь бы не он.

Мне нужны деньги, одежда, и поспать не мешало бы. Завтра придумаю план. Главное, я еще жива.

Прокравшись сзади, снимаю сетку с окна своей спальни, однако улавливаю движение внутри. Я замираю, глядя в щель между шторами.

Бьянка сидит на своей кровати, чему-то улыбаясь. Осматриваю комнату, насколько это позволит точка обзора. В поле моего зрения попадает парень. Он натягивает футболку, прикрывая тощую грудь, затем наклоняется и целует мою пятнадцатилетнюю сестру в губы, застегивая ремень. Я выпрямляюсь, убрав руки от окна.

«...или забеременеешь», – всплывают в памяти слова Хоука. Звучат они правдивее, чем хотелось бы признать.

– Проклятье, – бормочу, направившись к черному ходу.

Парень моей сестры – ее ровесник, но я по какой-то причине убедила себя, что у них не было секса. Конечно, был. Вот чем занимаются бедные дети из Уэстона, когда не беспокоятся о поступлении в колледж.

Открыв дверцу с москитной сеткой, медленно поворачи-

ваю ручку, слышу, как она скрипит. Поморщившись, распахиваю дверь и вижу Мэтти. Он стоит у кухонного стола на цыпочках, с трудом удерживая равновесие, и пытается намазать арахисовое масло на крекер. Его пальцы перепачканы.

Ногти на ногах брата все еще покрыты черным лаком – я накрасила, когда в прошлый раз была дома. Это хороший знак. Отчим, похоже, попал за решетку, иначе бы заставил стереть.

Я проскальзываю в дом. Не успеваю закрыть дверь, как Мэтти оборачивается. Глаза пятилетки радостно сияют. Он роняет нож для масла.

– Аро!

Опустившись перед ним на колени, прижимаю палец к его губам.

– Ш-ш-ш-ш... – Я целую его в лоб. – Где мама?

Мэтти чешет нос, пачкая лицо арахисовым маслом.

– На работе.

Вытерев его щеку большим пальцем, беру бумажное полотенце и вытираю собственную руку. После чего поднимаю нож и помогаю брату с крекерами.

– Почему ты не спишь?

Уже за полночь. Помню, как сосчитала удары городских часов Шелбурн-Фоллз перед тем, как покинуть убежище.

Вместо того чтобы ответить мне, Мэтти принимается за готовый крекер.

Я смотрю на малыша. Он держит печенье обеими руками,

откусывая кусочек за кусочком, словно кто-то может его отнять.

Горло сжимается.

Брат глотает, пока я доедаю остатки.

– Мы скоро пойдем покупать школьные принадлежности? – спрашивает он.

– Я ведь пообещала.

А я всегда держу слово, потому что не обещаю невозможное. Например, поездку на Гавайи, машину или деньги на колледж. Хочется посмеяться над тем, какой доверчивой я была, когда мать сказала, будто у меня с детства есть сберегательный счет.

Плевать, даже если меня арестуют, мы пойдем за покупками.

– Нарисовал мне что-нибудь за последнее время?

Мэтти берет еще один крекер, отрицательно качая головой, и не смотрит на меня.

Я прищуриваюсь. У него всегда есть рисунок для меня.

– Где карандаши, которые я тебе подарила?

– Папочка...

– Он тебе не отец.

Из гостиной доносится кашель, следом звук удара пустой пивной банки о другую, и я напрягаюсь. Понятия не имею, зачем вообще лелею эту пустую надежду. Мой отчим не в тюрьме. Мать никогда его не выгонит. В конце концов, он оплачивает аренду.

У нас с Бьянкой один отец, а Мэтти родился шесть лет назад в результате интрижки, длившейся около трех месяцев. Вскоре после этого появился Джон Дракос, который нашел себе удобную систему поддержки. Ему стирают белье, готовят еду, убирают за ним. Мама не хочет возвращаться к тому, чтобы самой оплачивать все свои счета.

Передав Мэтти тарелку, сажусь на корточки и говорю:

– Иди поешь в своей комнате. Закрой дверь.

Брат кивает, уже приученный не задавать лишних вопросов. Я жду, пока он уйдет. Отчим смотрит телевизор. Слышатся автоматные очереди, взрывы, потом его смех.

Еще одна дверь закрывается. Кто-то шагает по лестнице.

– Развлекся там, парень?

Пробираюсь к краю стены, отделяющей кухню от гостиной. Бойфренд сестры, наверное, уходит.

– Если изголовье кровати будет чуть сильнее долбить в стену, оно проделает дыру, – говорит Джон, усмехаясь. – Видать, она хороша.

– Господи, старик, – смеется его друг.

Я выглядываю из-за угла. Парень Бьянки открывает входную дверь и выходит.

– Больной ублюдок.

Пацан довольно рассудительный, чтобы понять, от кого хорошего не жди, и все же он оставляет свою девушку и ее младшего брата с таким человеком.

Снова вспоминается Хоук и то, как он вынес меня из «Ри-

вертауна», подальше от дорогих ему людей. Почему-то мне кажется, что он не оставил бы свою девушку в таком доме.

Открываю ящик рядом с холодильником, перебираю гвозди и отвертки разного размера. Наконец-то найдя длинную деревянную ручку, достаю молоток, прячу его за ногу и иду в гостиную.

Я встаю перед отчимом, загородив телевизор.

– Мэтти не спит. Никто не приготовил ему ужин, – говорю ему, не обращая внимания на его друга, сидящего слева.

Джон невозмутимо смотрит на меня. Он всего на семь лет старше моей матери, но жизнь его сильно потрепала. Кожа вокруг глаз и на лбу испещрена морщинами, ему постоянно приходится бриться, а его черные волосы всегда сальные. Зато без седины. Отчим не толстый, и у него есть работа, так что в наших краях он считается выгодной партией.

– Где его карандаши для рисования? – требовательно спрашиваю я.

Джон лишь смеется, опустошая банку пива.

– Думаю, у тебя сейчас имеются заботы поважнее, девочка. – Протянув руку, он ставит пиво на стол у себя под боком. – Проваливай отсюда.

Я не сдерживаюсь. Шея и лицо вспыхивают. Мне тошно от всего этого. Ненавижу его. Ненавижу такую жизнь!

Замахнувшись, обрушиваю молоток прямо отчиму на руку.

Если уж мне светит тюрьма, то зачем мелочиться? Давно

хотела это сделать. Подхватив его пистолет, который просто лежит на тумбочке, бросаю молоток и взвожу курок.

– Твою мать, – рычит Джон, потирая руку. Его средний палец в крови. Он смотрит на меня, внезапно протрезвев. – Это уже не твой дом. Тебе больше некуда идти, да?

Я лучше буду на гребаных улицах спать. Не впервой. Однако понимаю, что забрать с собой брата и сестру не получится.

– Ты труп. – Его губы искривляются в мерзкой улыбке, пока отчим пытается перевести дыхание. – Сама знаешь. Я – все, что у тебя есть. Поэтому ты вернулась.

Моя рука дрожит.

В глазах Джона не остается и следа от боли, причиненной мной. Успокоившись, он наклоняется вперед и шепчет:

– Я – все, что у тебя есть.

Мне было на год меньше, чем Бьянке сейчас, когда он в первый и последний раз попытался что-то со мной сделать. В результате Джон лишился половины мочки уха. Но именно меня тогда забрали из дома, арестовали и несколько недель подвергали психологическим экспертизам, пока я не выяснила, что мама не ждет моего возвращения. Меня дважды забирали из ее дома. В обоих случаях я была не виновата. Черт побери, я всего лишь среагировала на происходящее, в то время как ей было все равно.

В конечном итоге она выбрала того, кто мог оплачивать счета.

Во мне больше не осталось ненависти к матери. Я искренне думаю, что когда-то она меня любила. Я это помню.

Просто некоторые родители понимают, насколько огромной ответственности и финансовых затрат требует ребенок, лишь тогда, когда он подрастает и перестает быть милым. И все ради чего? Что они получают взамен? Ну, серьезно? Собаки дешевле и не пререкаются.

Я не презираю мать из-за того, как она обошлась со мной. Однако ненавижу ее за то, что она завела еще двоих детей, которых не собирается воспитывать.

Джон поднимается с кресла и подходит ко мне.

– Приходи в гараж, Аро.

Мой взгляд устремлен на грудь отчима. Буквы на его футболке расплываются, я уже не могу их разобрать.

– Ее мать скоро вернется, – говорит его приятель.

Он не сводит с меня глаз.

– Ее мать в курсе, что она достаточно взрослая, чтобы начать зарабатывать себе на жизнь.

Не знаю, что Джон имеет в виду, но уверена, это касается единственного ремесла, для которого, по распространенному мнению, пригодны женщины.

Это все, на что, по мнению моей матери, годится она, до тех пор, пока не станет слишком старой для работы в клубе. И Бьянку учат тому же.

Я выдыхаю, когда Джон хватает мою руку и пытается отнять пистолет. Встретившись с ним взглядом, нажимаю на

спусковой крючок.

К черту.

Раздается оглушительный хлопок; я вздрагиваю, а отчим отлетает назад. У него на руке появляется красное пятно. Друг Джона вскакивает со своего места и убегает. Выстрел эхом разносится по дому. У меня звенит в ушах. Сверху доносятся крики.

Я ощущаю жгущую боль в правой руке. Посмотрев вниз, замечаю кровь. Отчим держит мой молоток и, врезавшись в стену, падает. Его рука тоже вся в крови – рана не смертельная, но этого достаточно, чтобы мне впаяли несколько лет.

Все кончено.

Таков мой финал. Я практически чувствую облегчение.

Единственное, беспокоюсь о Мэтти. Бьянке будет понятно все то дерьмо, которое случится с ней в жизни. Мэтти еще слишком мал. Сейчас ему хочется только объятий. Брат не поймет, почему он никому не нужен.

– Аро! – кричит моя сестра. – Аро, что ты делаешь?

Она стоит в коридоре, переводя взгляд с меня на Джона. Мэтти прячется за ней с таким видом, словно вот-вот заплачет.

– Аро! – окликает кто-то еще.

Однако я не могу сосредоточиться. Пошатнувшись, ударюсь спиной о стену и сползаю вниз, согнув колени.

– О боже! – Мать влетает в дом, падает рядом с отчимом и всхлипывает. – Что ты наделала? – орет она, обернувшись

через плечо. – Убирайся! Убирайся немедленно! Как он теперь будет работать?

Как он теперь будет работать? Я едва не смеюсь.

Вдруг звучит другой, более низкий голос.

– Уберите отсюда ребенка, – распоряжается он.

Краем глаза вижу, как Бьянка разворачивает Мэтти и уходит обратно в спальню.

Я смотрю на происходящее будто сквозь пелену.

– У нас жертва с пулевым ранением, не фатальным. Бернсавеню, 875, – опять произносит мужской голос. А потом... он прикасается к моему лицу. – Вставай.

Моргнув, поднимаю глаза. Хоук? Внезапно тело пронзает боль. Прежде, чем успеваю опомниться, он подхватывает меня на руки.

– Кто за это заплатит? – выкрикивает моя мама. – Аро? Мы не можем позволить себе скорую помощь. Почему ты не оставишь нас в покое?

Рука дрожит, и я не могу с ней совладать. Хоук выносит меня из дома. Я утыкаюсь подбородком ему в плечо, оглядываясь на дом, но смотрю не на мать, плачущую на полу в гостиной.

Я хочу забрать Бьянку и Мэтти.

– Я вернусь, – обещаю шепотом. В глазах темнеет, словно я все дальше и дальше углубляюсь в тоннель.

Но тут слышу едва различимый голос Хоука:

– Ты никогда сюда не вернешься.

Не знаю, сон ли это, однако через мгновение усталость и тошнота от боли берут верх над моими мыслями. Я держусь за Хоука, обхватив его шею, а он сажает меня в свою машину.

Глава 6

Хоук

Она – стихийное бедствие. Во всех возможных смыслах. Каждое из принятых ею за сегодняшний вечер решений было абсолютной противоположностью того, что сделал бы я.

Как только Аро покинула укрытие, я вспомнил – у меня не будет возможности связаться с ней в случае необходимости, поэтому решил догнать ее и вернуть телефон. А догнав, увидел, что она воспользовалась первой же возможностью совершить очередное преступление. Пока Аро удирала на BMW мистера Леонга, ко мне подъехала Дилан. Кузина отдала мне свою машину. Ей до дома оставался один квартал, поэтому дальше она пошла пешком. Другого выбора не было, пришлось преследовать маленькую воровку. Если она наследит по пути домой из Шелбурн-Фоллз, то с легкостью найдет дорогу обратно.

Она – бомба замедленного действия. Теперь полиция основательно сядет ей на хвост. Я не могу бросить Аро на произвол судьбы. Ведь моя задница тоже на кону.

– Позволь мне взглянуть, – говорю, сев на табурет перед ней, и открываю аптечку.

Кровь капает с ее пальцев, кисть свисает с края стола, а предплечье лежит перед моей клавиатурой.

Удивлен, что мне удалось вернуть ее в убежище, хотя она вряд ли вообще осознает реальность произошедшего... и ее поступка.

– Аро? – зову тихо. Она смотрит на стол. Точнее, сквозь него. – Дай мне осмотреть твою руку.

Осторожно разрываю маленькую дыру в рукаве ее толстовки. Порез от когтя молотка-гвоздодера небольшой, но глубокий. Не теряя времени, натягиваю перчатки, обрабатываю кожу дезинфицирующими салфетками и снимаю колпачок с медицинского клея. Девушка даже не вздрагивает, когда я свожу края раны и наношу лечебное средство.

– Это был твой отец?

Не получив ответа, пытаюсь посмотреть ей в глаза, однако они скрыты за волосами. Ее голова опущена.

– Кроме членов семьи об этом месте никто не знает, – уверяю я. – Здесь ты в безопасности.

У меня не было возможности изучить ее досье, поэтому, когда я последовал за ней в Уэстон, не предполагал, что она поедет к семье. Надеялся, что Аро вернется в гараж Грин Стрит. Тогда бы я попробовал разузнать что-нибудь, найти зацепки, которые можно использовать против них. Но, увидев ее с маленьким мальчиком, сразу понял – он ее родственник.

Я не слышал подробностей их разговора с женщиной в гостиной, но заметил ее напряженную позу. А когда Аро наставила на него пистолет, стало ясно: дело – дрянь. Это все,

чем она занимается? Дерется?

Аккуратно сжимая порез, даю клею время подсохнуть. До сих пор не пойму, осознает ли девушка мое присутствие.

– Я не хотел тебя обидеть тем, что сказал ранее. – После этих слов иду на попятную. – А может, и хотел.

В тот момент я говорил серьезно, подразумевая, будто знаю ее, лишь потому, что она из Грин Стрит, бедная и живет в Уэстоне.

Вновь ищу глаза Аро.

– С моей стороны было паршиво так думать, я был неправ. Дилан чуть не врезала мне по яйцам, а моя мать точно бы врезала, если бы слышала от меня подобное невежество. Родители таскали меня по всей планете, чтобы я научился видеть людей. Чтобы умел в два раза больше слушать, чем говорить. Они знали, что нас формирует наше окружение, что травмированные люди причиняют боль другим. Мама и папа жили так, чтобы я никогда не испытал подобной безысходности, поэтому начали показывать мне мир еще до того, как я научился ходить. Чтобы я получил богатый жизненный опыт, даже если он не всегда бывал личным.

Сын, которого они воспитали, никогда бы не сказал такого.

– Ты же знаешь, что способна изменить свою жизнь, да? – говорю, желая получить больше информации о том мужчине. – Тебе не обязательно делать то, что ты делаешь. Всякий раз, когда мне кажется, будто все плохо, или если чув-

ствую себя дерьмово, я напоминаю себе – бывает гораздо хуже. Всегда. Есть беженцы, спасающиеся от войн. Люди голодают. Умирают от болезней... – Я накладываю самофиксирующий бинт поверх клея. – Не мне учить людей жизни, однако мой отец был в похожей ситуации. Он из бедной семьи. В детстве ему приходилось бороться за жизнь. Как и тебе. – Опять пытаюсь встретиться с ней взглядом, но она так и не поднимает голову. – Папа понимал, что может рассчитывать только на себя, чтобы выкарабкаться. А обвинять кого-то в своих тяготах – бесполезная трата времени. – Вытираю остатки крови с ее руки. – И теперь у него есть все. Он добился этого сам, с нуля. Никто ему не помогал.

Аро ничего не говорит. Ненавижу выставять прошлое отца напоказ, но я рассказал ей далеко не все, через что он прошел. Сомневаюсь, что он вообще в курсе, насколько хорошо я осведомлен.

Хотя папа – живое доказательство. Выбраться возможно.

Я снимаю перчатки, выбрасываю их и складываю принадлежности обратно в аптечку.

– Должно зажить нормально. – Протягиваю девушке пузырек «Адвила». – Немного ибупрофена, если понадобится.

Вдруг я замечаю кровь на мизинце ее левой руки, которую она держит на бедре. Поднимаю руку, и Аро позволяет мне перевернуть ее ладонью вверх.

Это не кровь. Отчасти похоже на родимое пятно, только это не оно.

Бугристые красные пятна на плоти выглядят так, будто в некоторых местах по-прежнему покрыты волдырями. Они усеивают ее ладонь, кожу над выступающей костью запястья, внешнюю поверхность кисти, даже немного на предплечье заходят, однако ожог давний, уже заживший. Но шрам никогда не исчезнет.

Что это такое, черт возьми? Больно было, наверное.

Я поднимаю взгляд и вижу, что Аро смотрит прямо на меня. Большие темные глаза внезапно проясняются.

– Есть беженцы, спасающиеся от разных видов войн, – шепчет Аро. – Войн без солдат. Внутри домов, мимо которых ты проходишь каждый день.

Неотрывно смотрю на нее.

– Внутри всех тюрем, на которые ты не обращаешь внимания, – бормочет она, – потому что не видишь решеток.

Вновь опускаю глаза, глядя на ее руку, как раз в тот момент, когда девушка опускает ее и сжимает пальцы в кулак.

– Я никогда не смогу их бросить.

Их. Друзей?

Потом до меня доходит.

Детей. Я видел и слышал их через окно ее дома. Судя по всему, это брат и сестра Аро.

Она не хочет оставлять их с родителями.

– Спасибо, – произносит девушка, прижав травмированную руку к груди, и поднимается со стула.

Я не осмеливаюсь смотреть на нее, ведь, похоже, снова

повел себя как умник, что-то знающий о жизни, хотя на самом деле это не так.

– В правом крыле есть комнаты, – сообщаю ей. – Еда на кухне, если захочешь.

Аро идет к двери, но потом я слышу ее голос:

– Твой отец справился не в одиночку.

Обернувшись, вижу, что она остановилась у порога, спиной ко мне.

– Кто-то помог ему. Спроси у него.

Девушка уходит, а я продолжаю смотреть в пустой дверной проем, задумавшись.

Полагаю, отцу было легче. У него лишь один старший брат – мой дядя. В отличие от Аро папа не чувствовал себя ответственным за кого-то другого, ему приходилось заботиться только о себе. Он запросто мог навечно застрять в том аду вместе со своим отцом, но выбрался.

У меня нет ни братьев, ни сестер, зато есть кузены. На месте Аро я бы тоже их не бросил.

Уверен, и папа не оставил бы своего брата, если бы ситуация была обратной.

Я наблюдаю за ней по мониторам, пока она преодолевает коридор, после чего входит в комнату. Самую дальнюю от моей.

Опустив взгляд, тянусь к кнопке сбоку монитора и краем глаза вижу Аро внутри комнаты. По сути, я установил камеры не для того, чтобы заниматься вуайеризмом. В конце кон-

цов, я не знал, скольких людей сюда приглашу, но...

Поднимаю глаза, собираясь выключить трансляцию, однако замираю. Девушка пытается снять толстовку. Ее бомбер до сих пор валяется на полу у моих ног.

Прижимая руку к телу, она стягивает с себя кофту, оставшись в белой майке.

Ее темные волосы длиннее, чем я думал. Они рассыпаются по спине. Неровно дыша, Аро хромает к кровати. Майка запятнана полосой крови от выреза до талии.

Я хмурюсь.

Почему она не сказала мне? Забыл, что сегодня девушка получила не одну травму.

Не похоже было, будто ей больно, когда она сидела тут.

Аро опускается на пол, встав на колени перед кроватью, и зарывается лицом в одеяло. Видно, как тяжело она дышит, наконец позволив себе расслабиться.

Встав с кресла, порываюсь пойти к ней, но она бы попросила помощи, если бы хотела. Аро просто начнет ругаться со мной.

Я выключаю монитор, давая ей возможность уединиться.

Я ошибся. Бомба громкая. Она пригодна лишь для массового уничтожения, и только на один раз.

Аро не похожа на бомбу.

Она терпелива, спокойна, непреклонна и постоянна.

Она все выдержит. Как сталь.

Как топор.

Глава 7

Аро

Размытый силуэт нависает надо мной. Я моргаю, но веки такие тяжелые. Он наклоняется ниже, однако фокус так и не обретает. Кто это?

В следующую секунду я распахиваю глаза, понимая, что не сплю, резко поднимаюсь в сидячее положение, верчу головой вправо-влево, осматриваю комнату. Такое ощущение, словно что-то ползает по моей коже.

Но тут никого нет. Впереди закрытая дверь, а в комнате, кроме меня, только мебель.

*Hijo de puta*⁵.

Я откидываю волосы с лица, сбрасываю одеяло, морщась от боли в руке. Опускаю взгляд на перевязанную рану, и в памяти всплывает прошлая ночь.

Черт.

Слезаю с кровати, иду к деревянной двери, кручу ручку. Она по-прежнему заперта. Выдохнув, разворачиваюсь кругом и снова осматриваю спальню.

Бронзовая клетка с четырьмя маленькими лампочками в форме свечей свисает сверху на цепи. Свет до сих пор горит ярко. Похоже, я уснула, не выключив его. Выцветший анти-

⁵ Сукин сын (исп.).

кварный ковер частично прикрыт кроватью, в углу напротив двери стоит по диагонали письменный стол. Справа от него стену украшает большая, местами облупившаяся фреска – пасторальная сцена с джунглями и животными, которых я едва могу разобрать. Я роюсь в ящиках стола, затем опускаюсь на пол, вздрагивая от боли, чтобы заглянуть под кровать.

Комната, кажется, все-таки пуста. И не занята постоянным обитателем. Здесь нет никакой одежды, чеков. Ничего ценного.

Размотав повязку на руке, осматриваю рану и замечаю следы подсохшей крови по краям. Гноя не видно, кожа в цвете не изменилась, даже припухлость немного спала. Порез закрыт лучше, чем все мои предыдущие ранения, когда мне накладывали швы.

У Хоука, наверное, и сертификат на проведение профессиональной сердечно-легочной реанимации есть. *Бойскаут.*

Я надеваю шапку, толстовку, натягиваю капюшон. Перед глазами вдруг все накреняется, приходится опереться о стену. Склонив голову, вдыхаю и выдыхаю. Не знаю, тошнит меня или голова кружится, больно мне или это голод. Я не ела со вчерашнего утра.

Спотыкаясь, иду за «Адвиллом», который дал Хоук, высыпаю несколько таблеток, забрасываю в рот. Проглотив их всухую, швыряю пузырек на кровать, отпираю замок и открываю дверь.

Едва выхожу в тоннель, меня встречает музыка и поток

прохладного воздуха.

Это хеви-метал. Не испанский, но и не английский. Я не могу разобрать текст, зато слева от себя слышу визг гитар и ритм ударных.

Почему Хоук привел меня обратно?

В мыслях проносится тысяча вопросов, о которых думала прошлой ночью, однако ни одного не задала, не придав им должного значения.

Он проследил за мной от Фоллз до дома. Зачем?

Хоук мне не доверяет. Наверное, дело в этом.

Заставит ли он меня остаться?

Пусть попробует.

Я улавливаю звук, похожий на шарканье шагов, донесшийся сзади, но, оглянувшись, ничего не вижу в темноте.

Дойдя до комнаты наблюдения, миную ее и сворачиваю вправо, на кухню.

Трент стоит у плиты, под оглушительный аккомпанемент металла жарит яичницу на сковороде. Нос улавливает аромат сливочного масла, и мои жевательные мышцы сокращаются, рот наполняется слюной, как бывает, когда ты предвкушаешь что-то очень вкусное.

Моя куртка лежит на островке с цементной столешницей. Взяв ее, натягиваю на себя, сую руки в карманы. Телефона нет.

Я пристально смотрю на парня. Мне понадобится мой телефон.

Громкость музыки уменьшается. Он ставит чашку кофе перед пустым табуретом и встречается со мной взглядом.

– Ты веган?

Вскидываю брови. Трент знает разницу в цене между бургером из черной фасоли с тыквенными семечками и комбо-обедом «Макдональдса»? Господи...

Я сажусь.

– Извини, – бормочет Хоук, сдерживая улыбку. После чего протягивает мне тарелку с ломтиком хлеба, поджаренного в масле и увенчанного яичницей с рубленным беконом.

Не колеблясь, хватаю тост – мне понадобится энергия, когда подамся в бега, – вонзаю в него зубы. Хруст хлеба – музыка для моих ушей. Масло попадает на язык. На миг я переносусь в прошлое: мне семь, я на кухне нашей соседки Клары, готовлю угощения к Рождеству, слушая музыку. Все такое аппетитное, теплое и пахнет приятно.

Хорошее воспоминание.

Когда представляю себя счастливой в гипотетическом будущем, то вижу не путешествия, покупку крутой машины или важную работу. Мне хочется прожить еще тысячу таких же моментов, когда я нахожусь именно там, где хочу быть. Следующий эпизод может быть отстойным. Все равно придется вернуться в ту же приемную семью, решать те же проблемы, не зная, смогу ли поесть вечером, однако в тот... единственный... момент я наслаждаюсь видом.

Сложив тост пополам, расплющиваю все ингредиенты и

быстро доедаю его за четыре укуса. Прокашлявшись, залпом проглатываю апельсиновый сок, затем отпиваю немного кофе.

Хоук накладывает себе порцию, и я говорю, пока нервы не сдали:

– Мне нужно около девяноста тысяч долларов. А тебе нужно не попасть под арест, так что, я бы сказала, это делает нас командой.

Он невозмутимо оборачивается, намазывает яичницу на кусок тоста и добавляет:

– Еще нам нужно остановить офицера Ривза.

Я чувствую толику облегчения от того, что Хоук, похоже, согласен работать вместе, но его цель благороднее моей. С удовольствием бы избавилась от этого говнюка. Мило, что Хоук думает, будто ему это удастся.

– Где хранится товар? – спрашивает он, поставив сковороду в раковину. – Наркотики? Где его штаб? В гараже?

Обхватив кружку, грею ладонь.

– Хочешь его обокрасть?

– Ты ведь в этом профи, не так ли, Бунтарка?

– Аро, – напоминаю ему. Я перестала быть «Бунтарем» восемь месяцев назад.

Трент кивает, по-прежнему не глядя на меня.

– А меня зовут Хоук. Не «сукин сын».

Я подавляю ухмылку, наблюдая за тем, как парень поливает яичницу соусом «Табаско». Значит, он понял, да?

Потягивая кофе, оглядываю большую комнату и замечаю отблески света в углах у потолка. Линзы отражают солнечные лучи, проникающие сквозь окна на высоте. Установлена ли камера в той комнате, где я спала?

– У тебя до хрена камер наблюдения по всему городу, – подмечаю я, судя по увиденному на мониторах прошлой ночью. – Они твои или ты подключаешься к камерам округа?

Хоук опирается одной рукой на стойку, а в другой держит бутерброд. Мышцы его живота над поясным фартуком напрягаются, и я моргаю, сделав очередной глоток.

– Где находится его штаб? – повторяет он вместо ответа.

– С чего ты взял, что мне это известно?

Откусив кусочек, парень размеренно жует и откладывает еду.

– Ты моя ровесница. Значит, должна была окончить школу в этом году. Но не окончила.

Я слушаю.

– Ты не ходила в школу восемь месяцев, – продолжает Хоук. – Не то чтобы твою приемную мать это волновало, лишь бы пособия приходили, верно? Однако даже они больше не гарантируют тебе постоянного жилья, так как ты достигла совершеннолетия.

Горячая кружка буквально обжигает, но я сжимаю пальцы еще крепче.

– Тебя дважды изымали из дома матери, в девять и в четырнадцать лет. – Он посыпает тост солью. – Но брата и сест-

ру оставили, поэтому я делаю вывод, что опека поверила твоей маме, когда та обвинила тебя в беспричинном нападении на отчима.

Выпрямив спину, сморю на него. Трент сосредоточен на своей задаче и на чуши, льющейся из его рта.

– Правда, социальным работникам ты ничего не рассказала, ведь знала – независимо от того, что происходило дома, в системе опеки бывает гораздо хуже, а ты не хотела подобной участи для брата и сестры. Хьюго, Николас и Аксель – твои приемные братья. Вы встретились, когда тебе было пятнадцать, и с тех пор не расставались.

Хоук откусывает бутерброд, бросает взгляд в мою сторону, явно думая, что знает всю мою подноготную, хотя ему известно даже меньше, чем я предполагала. Наши глаза практически на одном уровне, но он каким-то образом умудряется смотреть на меня свысока, словно я, мать твою, работаю на него.

– Именно тебя посылают собирать плату за крышевание, аренду, выбивать долги... Ты занимаешься этим уже несколько лет. Они отправляют тебя одну. – Трент делает паузу для эффекта. – Девушку.

И теперь я понимаю, к чему он клонит.

– Банда тебе доверяет. – Парень наливает себе кофе. – Они знают, что ты умеешь добиваться результата. Ты наверняка задумываешься о будущем. Поскольку образование, похоже, для тебя не приоритетно, полагаю, лишь такая жизнь

светит тебе в дальнейшем.

А это означает, что я в курсе дел. Что он уверен в правдивости своих предположений о том, будто я играю значительную роль в Грин Стрит.

– Как часто Ривз навещает гараж? – Хоук подносит кружку к губам.

Я колеблюсь. Пусть он и не доверяет мне, однако причин доверять ему тоже нет. Тренту ничего не угрожает. Ничего серьезного. Что мешает ему слиться и сбежать в любой момент, когда вздумается? Эта работа – все, что у меня есть. Точнее, все, что у меня было.

Поставив кружку на стол между нами, смотрю на Хоука.

– Вот какой расклад у нас получается, Пират, – поясняю я. – Ты разбил две его машины и уничтожил товар. Я напала на него. В худшем случае ты сможешь найти средства, чтобы вернуть долг и отделаться от Ривза. Твоя семья богата.

– Они не богаты.

– Его люди могут навредить нашим близким, – продолжаю я, пропустив его слова мимо ушей. Не хочу сейчас цепляться к мелочам. – Тогда ты просто заплатишь. У меня денег нет. Я в безвыходном положении. Это ставит нас в неравные условия, поэтому я тебе не доверяю.

Одним быстрым движением он поворачивает ноутбук, показывая мне дисплей.

Я вижу нас у пруда прошлой ночью. Запись без звука – с ним бы стало ясно, что в действительности произошло. Для

всего остального мира мы выглядим как преступники.

На другой половине экрана отображается его имя, личные данные и выдвинутые ему обвинения.

Таблица выглядит точно так же, как те, что мелькают на экранах офицеров каждый раз, когда я попадаю на заднее сиденье полицейской машины.

Делаю еще один глоток. Хоук мог бы избежать ордера на арест, но видео меняет дело. Оно выставляет Грин Стрит в глупом свете. Это может негативно сказаться на Шелбурн-Фоллз.

– Значит, теперь ты встрял.

Однако он отрицательно качает головой.

– Я все равно не позволил бы этому ублюдку выйти сухим из воды. Но если это тебя успокоит: да, мы с тобой в одной лодке. – Взяв мою тарелку, Хоук разворачивается и ставит посуду в раковину. – У нас есть время до Ночи вражды, чтобы от него избавиться.

– Почему до Ночи вражды?

– Потому что на следующей неделе у меня начинаются занятия. Этого времени должно быть достаточно, чтобы очистить мое имя, если администрация исключит меня из-за наличия ордера на арест.

Полагаю, до колледжа ему ехать не очень далеко, раз он сможет тянуть до последнего. Ночь вражды – праздник в честь конца лета и предвкушения грядущих футбольных событий. Вечеринки, обмен пленными, Неделя соперниче-

ства... Школьная фишка, хотя меня она никогда особо не интересовала, даже во время учебы.

– И если у нас все получится, что мне тогда делать? – спрашиваю я.

Повернувшись обратно, Трент убирает остальную посуду.

– Что ты имеешь в виду?

– Мои приемные братья тоже работают на него. Что сделают они, когда я лишу их дойной коровы? Я все равно не буду в полной безопасности.

– Я здесь не для того, чтобы разрешить все твои жизненные неурядицы. – Покачав головой, Хоук бросает скомканные салфетки в мусорное ведро. – В некоторых аспектах ты сама способна вытянуть себя из болота, в котором увязла. В конце концов, ты ведь угнала его машину.

– Ты пытался купить меня.

– Я пытался вернуть талисман, – выпаливает он. – Только и всего.

Трент снимает фартук, оставшись в джинсах, кладет его на стойку. Потом берет мобильник, принимается что-то печатать, молниеносно двигая большими пальцами.

Он такой деловой, да?

– Почему ты не смотришь на меня? – Слова прозвучали тише, чем я планировала, однако Хоук все равно услышал. Он замирает; его пальцы висят над экраном. Ему требуется минута, но, подняв свои голубые глаза, Хоук устанавливает зрительный контакт со мной.

Вообще-то они весьма паразитальные. Лазурного оттенка, словно морская вода, в которой то вспыхивает, то гаснет фиолетовая подсветка. И они миндалевидной формы.

А дальше я обращаю внимание на другие черты. Длинный нос, высокие скулы, густые темные ресницы, брови...

Я не показываю удивления. Боже, Тренту, наверное, нравится быть собой. Сходит за белого, но, вероятно, имеет право поставить галочку в графе, позволяющей претендовать на стипендию, которая должна достаться другим – действительно нуждающимся – студентам из числа коренных американцев.

Прочистив горло, отвожу взгляд.

– Я не знаю, откуда берутся наркотики и как попадают к нам, однако деньги он собирает лично.

– Когда?

Не сдерживаю презрительную усмешку.

– Коп слишком умен, чтобы действовать по шаблону. Всегда по-разному. – Я снова смотрю на Трента. – Только он недавно забрал выручку, поэтому до следующего раза не меньше недели. Дай мне камеру, я ее установлю, и будем ждать.

Хоук скрещивает руки на груди.

– Ты можешь пройти в гараж незамеченной?

– Нет, но я знаю кое-кого, кто сможет.

Он смеется.

– Я не стану эксплуатировать тринадцатилетнего подрост-

ка.

С каких пор? Они однозначно используют Томми Дитрих для насмешек, когда нужно.

– Она – одинокий ребенок, и я берусь предположить, что по вине вашей семьи, – возражаю. – В этом городе мало что происходит без ведома империи Трентов-Карутерсов. С этой девочкой обращаются отвратительно. Позволь ей хоть как-то себя проявить.

Трент сверлит меня взглядом.

– Отдай мой телефон. – Протягиваю руку. – Я позвоню ей.

– Мы поедем к ней домой. Ее отец скоро уйдет на работу.

– Откуда ты знаешь?..

Он бросает на меня многозначительный взгляд, и я замолкаю.

Камеры. Точно. Ему, наверное, известно расписание каждого жителя этого города.

Для чего? Зачем Хоук наблюдает за людьми?

Хочется узнать, но разговаривать с ним, чтобы получить ответ, не горю желанием.

– Если ее поймают, нам придется войти, – говорю я. – И она вернется сюда, спрячется вместе с нами.

– Никто сюда не вернется... кроме нас.

Обогнув островок, Трент проходим мимо меня, а я по какой-то причине не сдерживаю любопытство:

– Что для тебя значит это место? Как ты его нашел?

Хоук останавливается рядом. Я смотрю на него. Правда,

едва он заглядывает мне в глаза, на секунду перестаю дышать.

Моргнув, отворачиваюсь к плите.

– Почему ты отводишь взгляд, когда я смотрю на тебя? – спрашивает парень.

Глава 8

Хоук

Следовало спросить ее о руке, но уверен, она бы ударила меня. Люди вроде Аро скорее предпочтут смертную казнь, чем дадут кому-то понять, что им нужна помощь. С ней невозможно разговаривать.

Я достаю телефон, проверяю время, после чего набираю номер. Уже седьмой час.

Спустя четыре гудка слышу, как моя кузина прокашливается и говорит сонным голосом:

– Да, я здесь. Ты в порядке?

Качая головой, направляюсь в комнату наблюдения, переключая одну из камер на нашу улицу, Фолл Эвэй Лэйн.

– Так беспокоишься о моей безопасности, что спишь?

– Помогает скоротать время, – бормочет кузина.

Я вижу ее машину, припаркованную перед домом, – значит, ее отцу нужно было выехать из гаража рано утром. Он уже встал. Переключившись на свой дом по соседству с ними, замечаю, что на крыльце до сих пор горит свет. Родители, наверное, еще не ложились, однако я надеюсь, им все-таки удалось поспать. Не хочу, чтобы они волновались.

Разумеется, волноваться они все равно будут, но это не повод постоянно бодрствовать.

– Сходи ко мне в комнату, – говорю Дилан, выводя местные новости на монитор слева, а свои социальные сети – справа. – Возьми мой ноутбук, запасной ключ из тумбочки, пригони мой мотоцикл и оставь его в старом гараже на Хай-стрит.

– Твои родители узнают, что я взяла байк, Хоук, – возражает она. – Они припрут меня к стенке, когда я вернусь.

– Не узнают, если выдвинешься сейчас. – Держа сотовый одной рукой, другой печатаю. – Откати его к концу квартала, потом заведешь.

– Но на улице дождь.

Я сдерживаю смех. Твою мать, моя жизнь в опасности, а Дилан ноет, как в детстве, когда я воровал у нее «Орео». На самом деле это успокаивает. Подкрепляет веру в то, что у меня не такие уж серьезные проблемы.

– Люблю тебя, – поддразниваю я.

– Уф... – Она кладет трубку, неудовлетворенная моим ответом.

На одной из камер появляется Аро, моет свою тарелку, выпивает полную чашку воды, затем опять ее наполняет и тоже выпивает.

Повернув голову влево, изучаю экраны и обнаруживаю упоминание в газете о том, что доступ к пруду закрыт в связи с ремонтными работами, однако нет никаких подробностей о причинах. Я пролистываю статью за статьей: о деле дяди Мэдока (он пытается помешать какому-то крупному застрой-

цику выкупить старую больницу на шоссе 6 и превратить ее в казино), протокол заседания Организации родителей и учителей, разоблачительный материал на тему «Кооператив – это КООП? Серьезно?».

Ни слова обо мне. Или о ней.

Дрю Ривз не хочет, чтобы общественность помогла нас найти.

Отлично. Это не к добру.

Поставив клавиатуру на кронштейн, встаю перед мониторами, открываю окружную базу данных, заставляю свои пальцы двигаться, пока не передумал.

Девчонка непредсказуема. И у нее есть багаж. Тяжеленный. Если она вернется за младшими, Ривз к тому моменту уже наладит связь с ее отчимом. Едва Аро войдет в дом, он узнает.

Сомневаюсь, что ее матери можно доверять. Немногие доносят на собственного ребенка, но я все равно не могу сейчас устранить обоих родителей. Передача этих детей в приемную семью не сделает Аро Маркес более сговорчивой.

Однако ее отчим должен исчезнуть.

«240 – *Нападение*, – набираю текст. Потом добавляю: *Бытовое насилие, вооруженный человек, жестокое обращение с детьми, стрельба в жилом доме и...* – задумавшись, пожимаю плечами. – *Мертвое человеческое тело*».

Он проведет в тюрьме пару недель по нескольким липовым обвинениям, прежде чем они во всем разберутся. К то-

му же, эй, мне может повезти. Кое-что из перечисленного наверняка правда, и полиция, возможно, это докажет.

Я связываю его последнее известное местонахождение с больницей, куда он был доставлен вчера с огнестрельным ранением, и мой палец зависает над кнопкой ввода – всегда делаю паузу, когда собираюсь совершить что-то невероятно умное либо чертовски глупое. Выдохнув, нажимаю на клавишу.

– К черту.

Переключившись на соцсети, вижу прямо противоположную официальным ресурсам картину. Видеозаписи со мной и Аро распространяются с отметками наших никнеймов. Наша причастность ясна как день. Просматривая ее страницы – «Инстаграм»⁶, которым она не пользовалась больше года, и пустой аккаунт в «ТикТоке» с восемью подписчиками, – сдерживаю улыбку. У меня гора с плеч от того, что Аро не трубит о своих перемещениях, как все остальные люди на планете, только она, скорее всего, не транслирует свою жизнь, потому что транслировать нечего. Ей даже шанса не выдалось побыть подростком.

Я замираю, погрузившись в размышления. Мне вспоминается пруд, ранение ее руки и все остальное, что случилось за восемь часов, прошедших с момента нашей встречи. Провожу ладонью по волосам, массируя кожу головы. Такое чув-

⁶ Здесь и далее: деятельность метaplatformы Meta Platforms Inc. и ее соцсетей Facebook и Instagram запрещена на территории РФ.

ство, словно мне одновременно хочется смеяться и плевать. Это партнерство меня убьет.

– Ю-ху! – кричит кто-то.

Моргнув, поднимаю глаза и понимаю, что это видео из «ТикТока».

– Когда твой парень не хочет к тебе прикасаться и сбегает с девушкой, которая ударила тебя по лицу... – кричит Скайлер с экрана. – По крайней мере, теперь я убедилась, что он не гей.

Я выпрямляюсь, стискивая челюсти; под кожей разливается жар.

Вокруг нее все хохочут, а она, оседлав Ашера Янга в обратной позе наездницы, позволяет ему себя лапать.

– Он просто козел, который будет забыт через 3... 2... 1...

Ашер запускает ладонь под ее топик, Скайлер льнет к нему, смеясь так, будто меня очень легко заменить.

Сукин сын.

Не удержавшись, прокручиваю страницу вниз, хоть и понимаю – ничего хорошего просмотр комментариев не принесет. Но все равно это делаю.

«Королева!» – пишут ей несколько пользователей.

«Так их, девочка!»

«Похоже, он тот еще тип. Тебе же лучше!»

«Он гуляет налево. Я тебе говорила!»

– Господи Иисусе, – бормочу, продолжая просматривать комментарии, как идиот. – Чертовы люди.

Он накрывает ее рот своим, а моя бывшая практически трахает его через одежду. Беру телефон и набираю номер.

Она отвечает после второго гудка, однако мы оба молчим. Скайлер просто дышит в трубку.

– Ты в порядке? – едва слышно спрашиваю я.

Я не должен ей звонить. Все внутри меня говорит, что это я обижен. На что обижаться ей?

И все равно она сохраняет молчание. Четыре месяца назад Скайлер мне очень нравилась. Два месяца назад я думал, что она, возможно, та единственная.

Это не моя вина.

В горле пересохло. Сглотнув, говорю:

– Не иди туда, откуда не сможешь вернуться, лишь бы что-то себе доказать. Или чтобы отомстить мне.

Видео было дерьмовым ходом. Выставлять меня на посмешище, хотя Скайлер в курсе, что я больше ни с кем не встречаюсь, пусть она и не назвала моего имени, – это ребячество. Как будто люди мало обо мне судачат. Они знают, кого она имеет в виду.

Но я понимаю, чего она на самом деле добивается, и не хочу, чтобы Скайлер трахнулась с кем-то, а потом пожалела об этом.

– Ты в безопасности?

– Ты мне не брат, – огрызается девушка. – Веди себя, как мой парень. Приревнуй.

Я убавляю громкость, однако видео продолжает воспро-

изводиться снова и снова. Он делает с ней все то же самое, что делал я, с одной лишь разницей: Ашер вряд ли остановился, в отличие от меня.

– Ты теперь с ним?

– А ты с ней?

– Все совсем не так, – выпаливаю я, отвернувшись от монитора, и начинаю расхаживать по комнате. – Ты многих вещей не...

– Я отсосала ему.

Остановившись, замолкаю. В голове мелькают образы того, как Ашер воспользовался ею. Я сжимаю телефон так крепко, что слышу треск.

– Все ждала, что он остановит меня, как ты всегда делаешь. – Она говорит тихо, четко и уверенно, словно вовсе не была пьяна прошлой ночью и сделала это осознанно. – Но Ашер только крепче сжимал мои волосы и раз за разом пропихивал себя в мое горло, Хоук.

Я не дышу.

– Мне понравилось, – шепчет Скайлер, и я по голосу слышу – она улыбается.

Мне нечего сказать. Действительно ли я настолько рассержен? Дело в этом? Поэтому я ощущаю такую тяжесть внутри? Я хотел вернуть ее? Мы расстались несколько недель назад. Ясно было, что рано или поздно Скайлер найдет себе другого. Просто это оказалось больнее, чем я думал?

– Знаешь, почему я рассказала? Потому что тебе можно

доверять. Ты никому не проболтаешься. Не станешь позорить меня в социальных сетях. Ты идеальный джентльмен, и поэтому я думаю, мне повезло. — Она смеется. — Ты бы трахался слишком учтиво. Я рада, что вовремя поняла, насколько скучно было бы с тобой в постели.

Закрываю глаза. Скайлер — гребаная вишенка на торте в веренице девушек, интересовавшихся мной за время учебы в школе. Все до единой задавались вопросом, что с ними не так, когда я не проявлял инициативу, обижались, когда останавливался, а некоторые беззастенчиво исходили ядом, когда им отказывал. К выпускному классу они перестали винить себя и начали дружно смеяться надо мной.

Оглянувшись через плечо, вновь пересматриваю ролик. Скайлер сидит на коленях Ашера, как сидела на моих в прошлом месяце. Если бы я дал ей то, чего она желала, Скайлер даже не взглянула бы на этого типа.

— Тем не менее, — дразню ее, наконец обрета голос. — Именно меня ты хочешь, верно?

Несколько секунд она молчит, подбирая слова.

— Хотела.

Уголки моих губ приподнимаются в улыбке. Я возвращаюсь к мониторам, наблюдаю за парочкой на видео, но вижу себя. Вижу, как обнимаю ту, которую не могу отпустить.

— Я думаю о сексе, — продолжаю почти шепотом. — Все время. Я хочу этого.

Снова закрыв глаза, погружаюсь в свою фантазию.

– Мне хочется оказаться в темном месте кое с кем. В тесном пространстве. Прикасаюсь к ней. Быть не в состоянии и двух слов связать, потому что для меня не существует ничего, кроме нее. – Мое дыхание учащается, кровь приливает к паху. – Я у нее на поводке. Время останавливается. Она нужна мне. Снова и снова. Тепло между ее ног. Ее рот. – Я облизываю губы. – Каждый сантиметр ее тела касается моего, но я все равно хочу оказаться еще ближе.

Скайлер шумно втягивает воздух, а мой член твердеет.

– Я очень этого хочу.

– Я тоже, – бормочет она.

– Подними свою футболку.

Скайлер колеблется.

– Он спит рядом.

Опять улыбаюсь.

– Подними футболку.

Я слышу, как она сглатывает.

– Хорошо, – шепчет Скайлер.

Представляю ее в постели, такую теплую и мягкую.

– У меня стояк. – Неторопливо вдыхаю и выдыхаю. – Я всегда такой твердый, когда мечтаю о том, как стягиваю с нее трусики, чувствую, как ее губы соприкасаются с моими. Кожа между ее бедер такая теплая и влажная.

Приподнимаю подбородок воображаемой девушки, представляя ее посмотреть мне в глаза, потому что она тоже боится, и ей нужно, чтобы я проявил решительность. Она нуж-

дается во мне так, словно лишь ради меня бьется ее сердце. И она ни от кого другого не может получить то, что даю ей я.

Не только секс, а что-то большее.

– Держу пари, ты – гора мышц, малыш, – тяжело дыша, произносит Скайлер. – Такой сильный.

– Да. – Я делаю вдох, изнывая от желания. – Я безумно хочу эту девушку из своих грез. Она не идет у меня из головы. Такая сексуальная. Такая искусная во всем, что делает со мной. Мне кажется, я никогда не захочу трахаться с кем-то еще. Мне нужна она.

– Да...

Мои мышцы напрягаются, однако я расслабляю их и открываю глаза. Образы исчезают. Скайлер стонет на другом конце линии, мастурбируя, и весь гнев, который я испытывал несколько минут назад, остывает.

Пот проступает на груди. Опустив взгляд, вижу бугорок под молнией своих джинсов.

– Дело в том, – мой тон становится резким, – что, когда эта маленькая дикарка смотрит на меня, а я смотрю на нее... Я не вижу в ней тебя, Скайлер.

Ее тихие поскуливания прекращаются. Приосанившись, закрываю видео на мониторе.

– Судя по виду, твоя губа болит. – Вспоминаю, какой опухшей она выглядела на записи. – Попробуй приложить холодный компресс.

Скайлер хватается ртом воздух. Сдерживая улыбку, я сбра-

сываю вызов.

Мое тело напрягается, затем расслабляется, по венам растекается тепло.

Она лжет. Скайлер не отсосала ему. Вот почему она выложила видео – провоцирует меня на реакцию. Если я не приму ее предложение, тогда она сохранит свою гордость. Скайлер дома, в постели, одна.

По правде сказать, я не вижу никого конкретного, мечтая о *той единственной*. У девушки в моих мыслях никогда нет лица. Может, это Скайлер. Кто знает? Все, что у меня есть, – ощущение. Просто ощущение. Я хочу того, что чувствую с этой воображаемой девушкой. Крепкую связь, особенную, предназначенную только для меня.

Я опускаю глаза и смотрю на старый стальной армейский стол, оставленный последними обитателями. Протягиваю руку, открываю его зеленый ящик, вижу лоток с мобильными телефонами, которые нашел здесь и с тех пор храню. «Нокии», «Моторолы», раскладушки... Много восьмерок, не подававших признаков жизни, пока я не зарядил их, заменил батареи, немного над ними поколдовал... Понятия не имею, чьи это телефоны, но, кажется, подозреваю, кому принадлежал один.

Я беру черную «Нокиа», которая весит примерно столько же, сколько мой «Айфон», открываю ее, нажимаю на клавиши и вывожу на дисплей его – или ее – последнюю переписку.

«*Не убивай ее*», – гласит сообщение владельца, отправленное на номер, не внесенный в список контактов. Значит, это был либо одноразовый мобильник, либо новый, который еще не успели настроить.

«*Кто-то должен*», – отвечает второй.

«*Скоро*», – договариваются они.

«*Сегодня*».

«*Вечером*», – отвечает владелец «Нокии».

«*Мы вдвоем, – пишет незнакомец. – Вместе*».

Помню, как заколотилось мое сердце, когда я впервые прочитал эти эсэмэски. Я только обнаружил тайник и находился в этой комнате. По моей коже холодок пробежал, возникло такое ощущение, будто за мной следят, однако с тех прошло уже больше года. Если кто-то из участников переписки все еще жив и знает, что я здесь, он позволяет мне тут находиться.

Пока что позволяет.

«*Ты будешь наблюдать*», – продолжает второй.

«*Почему?*»

«*Потому что я хочу, чтобы она смотрела на меня*».

Провожу большим пальцем по экрану.

«*Только на меня*», – уточняет он.

Владелец телефона отвечает:

«*Понятно*».

На этом разговор заканчивается. В тот день сообщений больше не было. И в ту ночь. И за минувшие с того момента

двадцать два года.

Я проверил остальные сотовые, половина из которых не подлежала восстановлению, а другая половина не имела никакой связи с этим телефоном. По крайней мере, я ее не нашел. Что, черт возьми, произошло той ночью? Они убили ее? Незнакомец хотел, чтобы она смотрела на него. Что она сделала? Это была месть?

Мне бы хотелось узнать. А еще – как телефоны попали сюда? Кому они принадлежали? Их владельцы, должно быть, одного возраста с моими родителями или около того.

Кем бы ни были люди, оставившие мобильники здесь, вероятно, они по-прежнему на свободе. Я не единственный, кто знает об этом месте.

Мои размышления прерывает вспышка света на мониторе справа. Подняв взгляд, вижу, как Дилан сворачивает на моем мотоцикле на Хай-стрит.

* * *

– Ты уверен? – спрашивает кузина, вручив мне шлем. – Наши родители могут сегодня же решить этот вопрос.

Я забираю рюкзак с ноутбуком, ключи, прячу их в заброшенном гараже, после чего бросаю ей толстовку.

– Все время будь среди людей, – распоряжаюсь я. – Ладно? Не знаю, чего ожидать. Безопаснее быть начеку. Никаких тренировок на «Фоллзтауне» в одиночку.

Она закусывает губу.

– Хорошо. – А после этого односложного ответа сразу же умолкает.

– Я серьезно, – рявкаю, прекрасно зная повадки Дилан – она всегда так делает, когда лжет. – Ты ведь знаешь, я тебя увижу. И запру здесь вместе со мной, если придется.

Она в курсе, что у меня есть доступ ко всем городским камерам.

– Поняла, – бормочет кузина. – Я не идиотка.

– Если подумать, то не идиотка.

У Дилан синдром отличницы, ведь она – дочь Джареда Трента. Если кузина хуже него выступает на треке, все начинают говорить: это потому, что она девочка. Она с раннего возраста усвоила данный посыл. С тех пор Дилан из кожи вон лезет, доказывая окружающим их неправоту. Надеюсь, в будущем она не угробит свою жизнь из-за этого.

Сзади доносится скрип двери. Входит Аро. Видимо, проследила за мной. Старая пожарная часть – третья после убежища. Нужно лишь пройти по общей крыше, и мы на месте. Совершенно незаметно.

Я достаю свой ноутбук, проверяю, не намок ли он, потом выуживаю телефон и пишу сообщение Кейду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.